

ТОВАРИЩ КСЕНИЯ

(Это было в Кисловодске).

ДРАМА в 4-х ДЕЙСТВИЯХ, 9-ти КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ге Александр Юльевич — председатель Кисловодского Чека.

Ге Ксения Михайловна — его жена, работник Чека.

Родион — работник Чека.

Аня — коридорная в гостинице «Эльбрус».

Перепелицин — секретарь Чека.

Крамской-Северный Степан Степанович — актёр.

Фешин Михаил Васильевич — доктор.

Фиалочкин Лука Фомич — доктор.

Мария Владимировна — его жена.

Чижов — красноармеец.

Марфа

Ольга

Старушка

} кисловодские жительницы.

Бруснев Корней Ильич — полковник, комендант Кисловодска.

Рязанов — полковник, начальник контрразведки.

Качиони — корнет, состоит при коменданте.

Шабс — полковник.

Сладковский — адъютант полковника Бруснева.

Бобрик — мародёр.

Унтер-офицер.

Деканиди

Арутюнян

} спекулянты.

Газетчик.

Красноармейцы, женщины, гуляющая публика.

Действие происходит в Кисловодске в конце 1918 и начале 1919 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

В Кисловодском парке у «Стеклянной струи». Яркий солнечный день октября 1918 года. Самая разнообразная публика гуляет по аллее, сидит в беседке у «Струи». На авансцене встречаются полковник Бруснев и доктор Фиалочкин. Бруснев в старой солдатской шинели, опирается на палку, старается казаться старше своих лет. Фиалочкин пожилой, очень аккуратный, чистенький человек.

Фиалочкин. Корней Ильич! Как живёте? Как здоровье?

Бруснев. Здравствуйте, доктор! Здоровье, как говорится,— швах. Скриплю кое-как, и ладно.

Фиалочкин. Ой, Корней Ильич, лукавите. Вы прекрасно выглядите.

Бруснев. Где уж там! Ноги едва волочу. Вот-с... Ну-те, а у вас что новенького, так сказать, в сферах? Ведь вы вхожи. Даже самого товарища Ге лечите.

Фиалочкин. (Сокрушённо вздохнул и развёл пухлыми ручками). Приходится. Мало ли что приходится — я врач...

Бруснев. Это ничего — лечите... Что слышно?

Фиалочкин. Ничего особенного. Ге в Пятигорск поехал.

Нелады у них там. Главные начальники с главкомом Сорокиным не ладят.

Бруснев. Так-с. Интересно. И что же?

Фиалочкин. Подробности не известны.

Бруснев. Жаль, жаль, голубчик. Это очень интересно...

Так сказать — в порядке наблюдения за новым миром... Вы меня понимаете? (Взял доктора под руку и, что-то тихо говоря ему, увёл за сцену).

По аллее идут Арутюнян и Деканиди.

Деканиди. Я вас, как честный человек, уверяю, господин Арутюнян, что эта мануфактура может пройти только через меня.

Арутюнян. Послушайте, Деканиди, какого чёрта вам от меня надо?

Деканиди. Я хочу не чёрта, господин Арутюнян, а свои законные десять процентов куртажных.

Арутюнян. (Остановился). За что?

Деканиди. Ой, посмотрите на него! Это мне нравится! Я же вам указал на эту мануфактуру.

Арутюнян. Я и без вас знал.

Деканиди. Эта несчастная женщина просила меня...

Арутюнян. А продала мне. И эта несчастная женщина ободрала меня, как барашка.

Деканиди. Послушайте, господин Арутюнян, мы давно знаем друг друга, но теперь вы начали работать нечестно...

Арутюнян. А вы, господин Деканиди? Впрочем, сейчас такое время. Желаю вам его пережить... (Ушёл).

По аллее бежит мальчик-газетчик.

Газетчик. Пятигорская газета «Красный воин»! Вот свежая газета! Последние новости!..

Деканиди. Дай сюда. (Берёт газету, платит деньги).

Вошёл Шабс. Купил газету, сел на уединённую скамью.

Деканиди. (Развернул газету). Тоже, извиняюсь, газета — ни одного объявления. (Ушёл).

Газетчик. Газета «Красный воин»! Пятигорская газета!

Вошёл Бобрик. Он в полосатой тельняшке, в бушлате и матросской бескозырке.

Бобрик. (Остановился посреди аллеи, широко расставив ноги, плюнул). Ха! Сколько контры собралось! Гулянку устроили.

(Газетчику). Давай сюда газету.

Газетчик. (Подал газету). Два рубля.

Бобрик. Шо? Ты, шо — сказался?

Газетчик. Платить надо, вот что!

Бобрик. Ты с кого деньги просишь? С кого? А ну вали отсюда своим ходом! (Дал газетчику пинка).

Газетчик. Ты не больно...

Бобрик. Ну! (Схватился за револьвер, газетчик убежал).

Вот гады! Деньги ему плати. (Оторвал кусок газеты, закуривает).

Озираясь кругом, вошёл Чижов в шинели, с мешком за спиной.

Чижов. Эй, браток!

Бобрик. Чего тебе?

Чижов. Понимаешь ты, какое дело: вроде как заблудился.

Бобрик. Приезжий, что ли?

Чижов. Только что приехал. До военного коменданта надо.

Сказали, иди через парк, ближе будет, а я, почитай, час блукаю и никакого проку.

Бобрик. Эх, пехтура! Чего тебе у коменданта надо?

Чижов. Как что? Часть свою отыскать. Опять же на довольствие встать.

Бобрик. На довольствие!? (Хохочет). Вот дурной! Слухай сюда. Плюнь на коменданта, а довольствие найдём. Пойдём с тобой на базар и реквизинём шо хошь на благо революции.

Чижов. Как это реквизируем?

Бобрик. Обыкновенно: изыщем у спекулянтов подшамать шо душа запросит. Вот тебе и удовольствие.

Чижов. Так то ж дело продотряда.

Бобрик. Тю, дурной! Одно слово — пехтура! Отряд сам за себя, а мы сами за себя.

Чижов. Нет, мне такое дело не подходит.

Бобрик. Ха, не подходит,! Тоже мне — идейный! Я сам больше твоего идейный. За шо кровь проливали!..

Чижов. Не туда гнёшь, браток. Я тебе не компания.

Бобрик. Ну и шлёпай к дьяволу! (Ушёл).

Чижов. (Качая головой). Смотри ты — гад какой! (Огляделся кругом). Чёрт-те куда забрался... Не вдруг, видно, здесь найдёшь чего нужно...

Чижов сел на скамейку, вынул из мешка ломоть хлеба и кусок сала, не торопясь, не обращая внимания на гуляющих, закусывает. Не спеша вошёл Сладковский, постоял около «Стеклянной струи», прошелся и лениво опустился на скамью, где сидит Шабс.

Сладковский. (Безразлично). В тени прохладно...

Шабс. (Не отрываясь от газеты). Беспокоят мухи...

Сладковский. Полковник приказал...

Шабс. Почему полковник не явился сам?

Сладковский. Полковник считает, что свидания днём в парке нежелательны. (С вызовом). Он достаточно известное лицо и не может подвергать себя риску.

Шабс. (С раздражением). Трус ваш полковник!.. Ну?

Сладковский. Полковник приказал сообщить, что задание генерала Петренко...

Шабс. Не называйте фамилий.

Сладковский. Слушаюсь. Задание генерала может быть выполнено только с помощью извне...

Шабс. В Кисловодске собралось достаточно офицеров. Какая ещё помощь вам нужна?

Сладковский. Оружие. У нас его очень мало.

Шабс. Через фронт оружия вам не доставят. Оружие следует найти здесь. Возьмите склад оружия у большевиков.

Сладковский. (С усмешкой). У большевиков нет склада оружия в Кисловодске.

Шабс. (Его раздражает тон Сладковского). Плохо, очень плохо действуете.

Нерешительно, вяло. Чувствуете себя на курорте, господа офицеры.

Сладковский. Тише!

Вошла Ксения Ге. Она в очень изящном, элегантном костюме. Осмотрелась вокруг. Шабс и Сладковский отодвинулись друг от друга. Шабс закрылся газетой. Ксения мельком взглянула в их сторону. Проходя мимо, уронила сумочку. Шабс отвёл газету. Ксения внимательно посмотрела ему в лицо. Сладковский подал Ксении сумочку.

Сладковский. Пожалуйста.

Ксения. Благодарю вас. (Ушла).

Сладковский. (Шабсу). Это она... Шабе. Она?

Сладковский. Да. Я должен идти...

Шабс. Сядьте.

Сладковский. (Неохотно сел). Она посмотрела на нас...

Шабс. Ну и что? Передайте полковнику, что я весьма недоволен его медлительностью. В ближайшее время мы должны встретиться. Пускай теперь сам назначает где и когда, но немедленно. Я хочу быть полностью в курсе всех дел.

Сладковский. Полковник сам знает свою задачу...

Шабс. Ваш полковник будет делать то, что прикажу я. Передайте об этом полковнику и скажите, чтобы не играл со мной в прятки. Можете идти.

Сладковский. Слушаюсь. А вы?

Шабс. Я ещё посижу.

Сладковский. Это опасно. Наши многие провалились...

Шабс. Значит, дураки.

Сладковский. Чека арестовала и всех ваших связных.

Шабс. (С досадой). Плохие связные. За меня не беспокойтесь. Я сам зайду в вашу ужасную Чека. Документы у меня в полном порядке. Я порядочный советский военспец, приехал из Царицына по делу и уже был с визитом у коменданта города. Понятно? Идите. Завтра жду ответа.

Сладковский. Слушаюсь. (Ушёл).

Шабс что-то недовольно проворчал, глядя вслед Сладковскому, рывком открыл газету и погрузился в чтение. Вошёл Родион, огляделся вокруг, увидел Чижова.

Родион. Чижов! Ты что ли?

Чижов. Я самый. Здорово, Родион!

Родион. Жив, значит! Закуривай. (Подавал коробку с табаком. Сели на лавочку, закурили).

Чижов. Отлежался. Шарахнуло меня тогда на Минутке, аж только в лазарете в себя пришёл. Потом рассказали, что вышибли Шкуру из Кисловодска.

Родион. Вышибли! Как мы тогда нажали, как шарахнули по Кисловодску — и с Минутки, и со станицы — шкуринцы драпанули, не догонишь! В гостинице «Эльбрус» весь штаб генерала Петренки прижали.

Чижов. И Петренку самого?

Родион. Ушёл, стерва.

Чижов. Жалко...

Родион. Ещё б не жалко! Товарищ Ге, человек спокойный, и то из себя вышел.

Чижов. А товарищ Ге, слышал, здесь сейчас.

Родион. А как же. Теперь Александр Юльевич начальник Кисловодского Чека. Как в июле выгнали шкуринцев, так его товарищ Анджиевский сразу сюда начальником Чека командировал, чтобы, значит, город ото всякой сволочи очистить. Тут, я тебе скажу, этой самой контры — тьма тьмуцая, делов хватает.

Чижов. А я, понимаешь, просил чтоб из госпиталя сюда направили. Вот дали бумажку к коменданту.

Родион. Хорошо. К нам в Чека пойдёшь. Я Александру Юльевичу доложу...

Чижов. погоди, а чем я у вас в Чека заниматься буду? Я пять лет солдат. Моё дело — в окопах сидеть, а не контру ловить.

Родион. (Смотрит вдаль). Занятие найдётся. Ты вот что, друг, иди сейчас прямо в Чека, в «Гранд Отель». Знаешь, где?

Чижов. Нет.

Родион. Вот так прямо через мосток, мимо «Нарзанной галереи», а там спросишь «Гранд Отель».

Чижов. Может, вместе пойдём, заблужусь опять...

Родион. Ждут меня здесь.

Чижов. Ну раз так, пойду... (Ушёл).

Родион одёрнул френч, поправил фуражку. Вошла Аня с ребёнком на руках.

Родион. Здравствуйте, Аня.

Аня. Чего это ты тут разгуливаешь?

Родион. Так, шёл по делу. Вас между прочим встретить хотел.

Аня. Это ещё зачем?

Родион. Анна Кирилловна... Анечка...

Аня. Чего дальше? (Села на лавочку). Ну, говори.

Родион. Анна Кирилловна...

Аня. Уже слышала. Ещё чего скажешь?

Родион. Я уже говорил вам...

Аня. Не много пока интересного сказал.

Родион. Анна, долго ты надо мной измываться будешь?

Аня. Вот ещё нашёлся! Кому ты нужен?

Родион. Не нужен, значит?

Аня. А ты думал?

Родион. Ну, коли так, ладно. (Повернулся, чтобы уйти).

Аня. Родион!

Родион. (Быстро обернулся). Что?

Аня. Родион... А где Александр Юльевич?

Родион. В Пятигорск уехал.

Аня. Ты, вроде, уходить собрался?

Родион. А что мне здесь делать?

Аня. Что до сих пор делал...

Родион. Да ты ж... Говори прямо, Анна: пойдёшь за меня замуж?

Аня. Здравствуйте! Кто ж так делает, дурная голова! Кругом народ, солнышко светит, я с чужим дитём на руках, а он свататься разлетелся. Люди-то что подумают?

Родион. Да провались они совсем! Мне не на людях жениться. Я к тебе и днём, и ночью, и при солнце, и при луне, а толку что?

Вошла Ксения Ге.

Ксения. Аня! Куда вы так далеко забрались. Хватились — ни вас, ни дочери.

Аня. (Смутилась). А я тут, Ксения Михайловна... Пошла с Витой погулять...

Ксения. А! И Родион здесь! Ну, тогда понятно.

Родион. Честное слово, мимо шёл...

Ксения. Мимо шёл? Ну ладно, ладно, не красней. Такой парень боевой, а тут идёшь, идёшь и никак не придёшь.

Родион. Да разве ж я тут виноват...

Ксения. Эх, ты! Кавалер! Надо быть решительным... (Тихо). Тот, что сидит на крайней скамье?

Родион. Точно. В город приехал четыре дня назад. Остановился в гостинице. Документы предъявил на имя военспеца, Сухова Василия Игнатьевича.

Ксения. Понятно.

Родион. Взять?

Ксения. Вечером проведи в гостинице проверку документов. Без шума.

Родион. Есть!

Вошёл доктор Фешин, пожилой, несколько опустившийся человек.

Фешин. Здравствуйте, Ксения Михайловна.

Ксения. Здравствуйте, дорогой Михаил Васильевич.

Аня. Так я пойду, Ксения Михайловна.

Ксения. Как Вита? (Приоткрыла одеяльце).

Аня. Заснула на свежем-то воздухе.

Ксения. (Поцеловала ребёнка). Идите, Аня. Я скоро домой приду.

Аня и Родион ушли.

Ксения. (Фешину). Садитесь, доктор, погреемся на последнем солнышке.

Фешин. На последнем? Нет, уважаемая, солнца ещё много будет. В Кисловодске круглый год солнце. В былые времена октябрь модным в сезоне считался. Весь Санкт-Петербург днём здесь пил нарзан, а ночью — шампанское. В этом году нарзан мало кого интересует, а шампанского не стало совсем.

Ксения. (В тон ему). И заработки курортных врачей упали.

Фешин. (Рассмеялся). Чего ж от большевиков ждать? Прижали нашего брата достаточно крепко... Как здоровье супруга?

Ксения. Ничего — пока погода сухая.

Фешин. Мда-с, уважаемая... Положение его, прямо должен сказать, не ахти хорошее...

Ксения. Не каркайте, доктор.

Фешин. Я, матушка, говорить людям неприятное привык. До смерти не люблю пилюльки сахаром припудривать.

Ксения. Не оптимист вы, Михаил Васильевич.

Фешин. Не оптимист? Обижаете, дорогая Ксения Михайловна! Я жизнерадостнее всех в Кисловодске. А сейчас даже и влюблён немного... В вас.

Ксения. Вот тебе и на!

Фешин. Успокойтесь, ухаживанием докучать не буду: хлопотное дело, не по возрасту. Да и вы в собственного мужа влюблены.

Вошёл артист Крамской-Северный. Он самоуверен, высок; длинные вьющиеся волосы закинуты назад; шляпу держит в руке.

Крамской. Доктор, дорогуша! И вы в день воскресный, преодолевши лень природную, выползли на свежий воздух!

Фешин. Чего бы мне и не выползти: курортные врачи теперь не обременены ни делами, ни заботами.

Крамской. Забыли недуги телесные, ищем врача-исцелителя недугов душевных...

Фешин. Гм, да... (Ксении). Разрешите представить: артист...

Крамской. Императорской сцены...

Фешин. Крамской-Северный. Ксения Михайловна...

Ксения. (Перебивает Фешина). Карташёва.

Крамской. Очень приятно, мадам. (Целует Ксении руку),

Ксения. Присаживайтесь к нам.

Крамской. Благодарю (садится).

Фешин. Гм, да...

Крамской. Глядя на вас, милая Ксения Михайловна, я вспоминаю Кисловодск таким, каким я привык его видеть. Изящный, жизнерадостный, немного легкомысленный...

Ксения. Благодарю вас!

Крамской. О, не обижайтесь, ради бога, мадам! Легкомыслие не порок, а украшение всего прекрасного: искусства, женщины, вина... Только потеряв, мы начинаем понимать ценность утерянного. Даже этого прекрасного, спокойного уголка планеты коснулось всеобщее опролетаривание. И всё же здесь во сто крат лучше, чем в сегодняшнем Петрограде.

Ксения. Вы выступали, кажется, в Мариинском театре?

Крамской. О, да!

Ксения. Я помню вас. Сейчас вы отдыхаете?

Крамской. Отдыхаю? Какой теперь отдых! Я просто стал никчёмным в этом мире. Кому сейчас нужен Демон или Риголетто? Поверьте, даже ради чистого искусства нет силы выйти на сцену. Выйти на святая святых Мариинского театра, когда, простите, из зала пахнет смазными сапогами и, пардон, мужичьим потом... Да, это большая трагедия времени... Искусству конец...

А вы как оказались здесь?

Ксения. По воле судьбы стала жительницей Кисловодска.

Крамской. Теперь мы все, волею судеб, стали жителями вселенной и не знаем, что с нами будет завтра.

Ксения. Ну это кто как.

Крамской. Вы жили в Петрограде?

Ксения. Нет, и бывала я там очень редко. Последние годы жила за границей, в Швейцарии.

Крамской. И из этого благословенного уголка вы перенеслись прямо в дикую совдепию?

Ксения. Что ж поделаешь! Так обстоятельства сложились. Однако мне пора. До свидания, доктор. Заглядывайте.

Фешин. Благодарствую.

Крамской. Вы разрешите проводить вас?

Фешин. Да-с, жизнь перепутала людей. А Кисловодск стал вроде Ноева ковчега: семь пар чистых и сорок пар нечистых.

Бруснев. Что вы имеете в виду?

Фешин. Ничего-с! Говорю — не скоро поймёшь — кто чистый, а кто грязнёнький.

Вбежал Бобрик.

Бобрик. (Не останавливаясь). Тикай, кто в бога верует: проверка документов.

Крамской. Вот... Вот. Это она... Это за мной...

Фешин. Ваши документы в порядке, чего же вам бояться?

Крамской. Документы? При чём документы! (Бруснев быстро идёт в сторону).

Погодите, полковник, я с вами...

Бруснев. (Зло шипит). Перестаньте называть меня полковником. Слышите! И потом...

Идите в другую сторону. (Ушёл).

Крамской. Ничего не понимаю...

Занавес.

Картина вторая

Номер в гостинице «Гранд Отель», превращённый в кабинет председателя Кисловодского Чека. Большой письменный стол, сейф, простые венские стулья, диван. На окне тяжёлая штора. На сцене Александр Ге, он высок, худ, с небольшой иссиня чёрной бородкой.

Александр. (У телефона). Повторяю: никаких скидок эсерам и меньшевикам не сделаем. Всё. Город будет очищен от всех субъектов, не признающих распоряжений Советской власти. Вы поняли?.. Можете ехать к товарищу Анджиевскому и жаловаться. Заверяю вас, мерзавца он под защиту не возьмёт. Именно — мерзавца... Простите, мне некогда. Прощайте. (Положил трубку. Просмотрел бумаги в одной из папок. Позвонил. Вошёл Перепелицин).

Перепелицин. Я слушаю, товарищ Ге.

Александр. Арестованный доставлен?

Перепелицин. Здесь.

Александр. Давайте. Пусть войдёт один.

Перепелицин. Есть. (Вышел).

Через некоторое время вошёл Шабс. Вошёл он развязно, но натолкнулся на внимательный, острый взгляд Александра и остановился среди комнаты. Пауза.

Александр. (Указывая на стул). Садитесь.

Шабс. Благодарю. (Сел и постарался овладеть собой). Я рад, товарищ председатель Чека, что вы, наконец, лично пригласили меня. Ваши следователи придумывают какую-то чушь. Это пора кончать.

Александр. Давно пора.

Шабс. Совершенно верно... (Ему беспокойно под пристальным взглядом Александра и он старается смотреть в сторону). Я приезжаю по делу. Все документы в порядке...

Александр. Ну и что?

Шабс. Две недели меня держат в Чека. В подвале. Чёрт знает что! Я вынужден послать телеграмму в центр...

Александр. (Протягивает ему бумагу). Пожалуйста.

Шабс. Что?

Александр. Пишите телеграмму. Кому?
Шабс. Зачем же... Я думаю, мы договоримся...
Александр. О чём?
Шабс. Ну об этом... О происшедшем недоразумении...
Александр. Недоразумения нет. Версия о том, что вы приехали из Царицына, исключается.
Шабс. Это недоразумение.
Александр. Ваша фамилия?
Шабс. (Не совсем уверенно). Сухов Василий Игнатьевич.
Александр. Чепуха! Военспец Сухов погиб у Сальска. И перестаньте болтать о недоразумении. Кто вы?
Шабс. Это издевательство! Я не знаю, какой там Сухов погиб. Меня это не касается. Сухов — я! И вы не имеете права...
Сегодня с меня содрали всю одежду. Брюки возвратили, а френч так и исчез. Это мародёрство!
Александр. Не будем наивны, вам это совсем не к лицу...
(Вышел из-за стола и со стороны смотрит на Шабса). А сапоги?
Шабс. (Испуганно). Что сапоги?
Александр. Сапоги вам вернули?
Шабс. Да... То есть у меня их не брали... (Инстинктивно, под пристальным взглядом Александра, прячет левую ногу под стул).
Александр. Вот это, действительно, недоразумение. (Подходит к двери, зовёт).
Родион.

Вошёл Родион.

Родион. Александр Юльевич, во френче ничего нет.
Александр. Понятно. Поинтересуйся сапогами этого субъекта. Начни-ка с левого...
Родион. (Шабсу). А ну, прошу.
Шабс. Что вы от меня хотите?
Родион. Левую ножку. Ту, что вы под стулом прячете.
Шабс. Оставьте меня в покое! Я требую...
Александр. Быстро ногу! Ну!

Шабс протянул ногу. Родион стянул с него сапог, повертел в руках, постучал по подошве, по каблуку.

Родион. Есть, Александр Юльевич. (Вынул нож и возится с сапогом).
Александр. Так как же вас зовут?
Шабс. (Он сник и сидит понурившись, глядя в пол). Меня... Василий Игнатьевич.
Александр. Когда и при каких обстоятельствах вы убили Сухова?
Шабс. Я не убивал его! Не убивал...
Александр. Кто его убил? Как его документы попали к вам?
Шабс. Я не знаю... Я ничего не знаю...
Александр. Глупо. По-детски получается. Вы в каком чине? (Шабс молчит). Наверное, не в малом. А ведёте себя, как мальчишка, попавшийся на краже пачки папирос.
Родион. Вот, Александр Юльевич. (Подал бумажку, вынутую из каблука).
Александр. (Пробежал бумажку глазами). Так... Можешь идти, Родион. (Родион вышел). Всё ясно. (Читает). «Полковнику Шабсу Эммануилу Викторовичу приказываю принять на себя руководство операцией в городе Кисловодске. Местному союзу офицеров беспрекословно выполнять все распоряжения полковника

Шабса...» О какой операции идёт речь? (Шабс молчит). Поймите — изображать Сухова вам уже ни к чему. Вы провалились, полковник Шабс.

Шабс. Вы не можете... Не имеете права меня расстрелять: я военнопленный...

Александр. (В упор смотрит на Шабса, говорит медленно, веско). Вы не военнопленный, вы засланы для руководства подрывными действиями, для диверсии в тылу. Вы шпион, а потому вне закона...

Шабс. (Он не может выдержать взгляда Александра). Не смотрите на меня так. Я скажу, что знаю. Я же ещё ничего не сделал...

Александр. Какой операцией вы должны были руководить?

Шабс. Захват города.

Александр. Когда?

Шабс. По обстоятельствам.

Александр. Какими силами?

Шабс. Местным офицерским союзом.

Александр. В количестве?

Шабс. Я не успел узнать. Думаю, человек сто...

Александр. Сотней человек захватить город?

Шабс. Таков приказ...

Александр. Кто здесь руководит офицерским союзом?

Шабс. Полковник... Фамилию его не знаю.

Александр. Чепуха! Вы шли через фронт, не зная к кому?

Шабс. (Пожал плечами). Хотите верьте, но этот полковник исключительный трус, даже я не мог добиться свидания с ним.

Александр. С кем же вы встречались?

Шабс. Я встречался с посыльными полковника.

Александр. Кто они?

Шабс. Не знаю. Каждый раз приходил другой...

Александр. Зачем вы врётё?

Шабс. Поверьте... Мне нет теперь смысла...

Телефонный звонок.

Александр. (Взял трубку). Да. Откуда? Пятигорск. Одну минуту. (Звонит. Вошёл Перепелицын). Уведите арестованного. Захватите его сапог. (Шабс в сопровождении Перепелицына вышел). Ге у телефона. Здравствуй, товарищ Анджиевский... Слушаю. Хорошо. Немедленно схожу в штаб и ознакомлюсь... Дела идут. При встрече расскажу... Что ж здоровье? Погода не по моему здоровью, но ничего — сдаваться не собираюсь... Ксения и сама-то сутками из Чека не вылезает. Дочь у меня замечательная — вся в мать. Приезжай — посмотришь... Спасибо, передам... В штаб сейчас пойду. До свидания, Григорий... (Положил трубку. Позвонил. Вошёл Перепелицын). Арестованного отправьте в камеру. Попросите ко мне Ксению Михайловну.

Перепелицын. Есть! (Вышел).

Александр пишет. Вошла Ксения.

Ксения. Вызывал?

Александр. Да. Звонил Анджиевский. Говорит, что в штабе есть важные новости.

Ксения. Что там?

Александр. По телефону не сказал. Сейчас схожу узнаю. Тебя прошу заняться здесь.

Ксения. Что с этим... С военспецом из Царицына?

Александр. Птица крупная: личный доверенный генерала Шкуро. Полковник Шабс. Видно, там недовольны бездействием здешних офицеров и прислали его организовать офицерский мятеж.

Ксения. Вот как!

Александр. Говорить начал, но явно виляет и многое скрывает. Не выдаёт здешних связей, а это главное. Боюсь, что ты поторопилась с его арестом. Надо было установить эти связи, а потом брать.

Ксения. Мог ускользнуть.

Александр. Ну, ладно. Что сделано, то сделано. С ним я ещё поговорю... (Подал Ксении папку). Вот дело полковника Бруснева. Его надо заканчивать.

Ксения. У меня мнение сложилось.

Александр. Проверь ещё раз. (Подал вторую папку). А это какого-то мародёра задержали, тоже разберись.

Ксения. Хорошо. (Взвесила папки на руке). Как много в Кисловодске собралось всякой дряни.

Александр. Не мало...

Ксения. Каждый день пачки дел...

Александр. И всё это чепуха.

Ксения. Как чепуха?

Александр. Мародёры, выживающие из ума старикашки, спекулянты, чепуха! Надо искать и найти большее. Есть в Кисловодске белогвардейский центр — теперь это совершенно ясно. Осторожно работают, мерзавцы! Трёх связных с той стороны перехватили, группу Розанова ликвидировали, а до центра не добрались. Связные — мелочь, Шабс — это матёрый, но и он пока ничего не дал. Этих облавами не возьмёшь, тут другое надо... Не умеем мы ещё, как надо, за дело браться. Ни в подполье, ни в эмиграции не учились практически осуществлять диктатуру. В Швейцарии и не думалось, что придётся возиться со всей этой поганью, очищать от неё землю...

Ксения. А сейчас это, пожалуй, самое важное.

Александр. Знаю, Ксения, знаю. Не умеем сразу распознать врага и уничтожить его. Уничтожить беспощадно, без всяких скидок...

Ксения. И так много говорят об ужасах Чека.

Александр (Жёстко). Кричат те, кому выгодно об этом кричать. Народ этого не скажет. Рабочий не простит нам слабости, проявленной по любой причине... Мне надо идти. Ты сиди здесь — могут по телефону позвонить. Витку уже приносили кормить?

Ксения. А ты соскучился? Надо дома чаще бывать.

Александр. Ты сама-то часто бываешь?

Ксения. Уж, конечно, чаще твоего.

Телефонный звонок.

Александр. (Снимает трубки). Ге слушает. Уже знаю, Анджиевский мне звонил. Собрался к вам идти. Сейчас приду. (Повесил трубку. Одевается).

Ксения. Саша, завяжи шарф как следует и застегнись. Погода скверная.

Александр поцеловал Ксению и вышел.

Ксения. (Села за стол. Перелистала дело. Позвонила. Вошёл Перепелицин). Товарищ Перепелицин, давайте сюда полковника Бруснева.

Перепелицин. Есть! (Вышел).

Вошёл Бруснев. Всем своим видом и поведением показывает, что он дряхлый старичок: с трудом передвигает ноги, покашливает, тихонько охает.

Ксения. Прошу садиться, полковник.

Бруснев. Помилуйте, какой я полковник! Повторяю: я давно забыл о своём чине. Да и зачем мне нужен чин? Мне только покой нужен. Только покой...

Ксения. Всё-таки присаживайтесь.

Бруснев. Благодарю вас. (Сел).

Ксения. Вы серьёзно больны?

Бруснев. Возраст. Старческие недуги. Вам это может засвидетельствовать любой врач.

Ксения. Хорошо. Проверим... Всё же вы служили с генералом Петренко в одном полку.

Бруснев. Это было очень давно...

Ксения. И вы продолжаете настаивать, что сейчас у вас никакой связи ни со Шкуро, ни с Петренко нет.

Бруснев. Я вас уверяю, как честный человек уверяю, что этот выскочка и авантюрист Шкуро даже не подозревает о моём существовании на свете.

Ксения. Так ли? Вы были достаточно известны в царской армии.

Бруснев. Только так. Именно так. Вы подумайте сами: зачем я ему забытый всеми, нищий, старый солдат? Такие у них не в чести.

Ксения. Сколько генерал Петренко привёз оружия с Кавказского фронта?

Бруснев. Этого я не знаю. Меня совсем не интересовали его авантюры. Поймите, я далёк от всего этого. Я достаточно воевал и с японцами и с немцами. Теперь я хочу только покоя. Только спокойно умереть.

Ксения. Тогда зачем же вам было уклоняться от регистрации? Вас вызывали на регистрацию, как офицера царской армии? Так, ведь?

Бруснев. Я счёл, что мой возраст и состояние здоровья освобождают меня от всяческих регистраций.

Ксения. Жалобно, но согласитесь, полковник, мало убедительно.

Бруснев. Что делать — виноват. Но, поверьте, без злого умысла. Поймите по-человечески: я старик — мне просто тяжело было идти, стоять в очереди среди мальчишек-поручиков, юнкеров... Подвергаться, простите меня, обидному допросу... Виноват, но не нашёл в себе сил...

Ксения. Так. Что ещё можете сказать?

Бруснев. Я решаюсь просить о снисхождении к моей старости. Заверяю вас, что никакого вреда принести я не могу.

Ксения. Что же вы хотите?

Бруснев. Я хочу только просить. Просить о снисхождении. Мне очень тяжело одиночное заключение... Нет, нет, я не жалею.

Я вижу, как много глупостей говорят о Чека. Ко мне здесь относились исключительно. Я бы даже сказал — предупредительно...

Ксения. Короче.

Бруснев. Если бы я мог рассчитывать на освобождение... Я дам любую подписку.

Ксения. Хорошо, посмотрим. Всё?

Бруснев. Да, всё.

Ксения. (Позвонила. Вошёл Перепелицин). Уведите арестованного. (Бруснев и Перепелицин вышли). Задача... (Закурила). Мне он неприятен... А можно ли решать судьбу человека только по личному ощущению?.. Юридические нормы всегда должны быть... (Просматривает дело). Не явился на регистрацию офицеров... «Рапорт о задержании при облаве...» И всё... Этого мало, очень мало, чтобы осудить... (Захлопнула папку, подошла к окну). Опять туман навалился. Опять Александр задыхаться будет... Только бы ему здоровья...

Вошёл Перепелицин.

Перепелицин. Простите, Ксения Михайловна, там какой-то тип покою не даёт, требует, чтобы его немедленно к вам пропустили. Уверяет, что у него важное дело.

Ксения. Может быть, у него всё же фамилия есть?

Перепелицин. Деканиди, что ли...

Деканиди. (Входя). Я здесь. Вы разрешите?

Ксения. Вы уже вошли.

Деканиди. Разве? Прошу прощения. Я всего на одну минутку. (Таинственно). По очень важному делу. Как я счастлив, что вижу вас.

Ксения. Ну? Даже счастливы?

Деканиди. И вы ещё спрашиваете! Какой же человек может сказать, что он не рад видеть Ксению Михайловну? Разве только самый махровый контрреволюционер, а я...

Ксения. А вы?

Деканиди. Я? Я всегда в душе был революционером.

Ксения. А чем занимались?

Деканиди. Чем мог заниматься бедный человек? Немного торговал, а больше страдал от царизма.

Ксения. Так что же вам надо?

Деканиди. Вы знаете крупного торговца Арутюняна?

Ксения. Предположим.

Деканиди. Этот Арутюнян перекупил большую партию мануфактуры...

Ксения. Где? (Перепелицину). Запишите.

Деканиди. Эта мануфактура военного ведомства была спрятана у вдовы воинского начальника. Арутюнян обманул несчастную женщину и имеет с этого огромную прибыль.

Ксения. И не поделился с вами?

Деканиди. Совершенно верно... Хотя я имел все основания на десять процентов куртажных... Простите, я не имел все основания... То есть я имел, но как честный человек...

Ксения. Понятно. Где вы живёте?

Деканиди. На Пятницком базаре. Я сосед Арутюняна.

Ксения. Понятно.

Деканиди. Поверьте, я от всей души...

Ксения. Всё понятно.

Деканиди. Прощайте. Всего хорошего. (Уходя, в дверях сталкивается со стремительно ворвавшимся Крамским-Северным).

Крамской. Я пришёл сам, прошу это учесть.

Ксения. А, господин артист императорских театров! Очень рада вас видеть. Можете идти, товарищ Перепелицин. (Перепелицин уходит). Прошу садиться.

Крамской. Прошу учесть, что я пришёл сам. Я больше не могу. Не могу ждать, когда за мной придут. Это свыше моих сил. Я перестал спать по ночам. Вскакиваю от каждого шороха. И вот я пришёл сам. Берите меня. Возьмите мою жизнь, но прекратите эти мучения!

Ксения. Я не совсем понимаю вас... Простите, как ваше имя и отчество?

Крамской. Крамской-Северный, Степан Степанович, артист, сорока двух лет от роду, не судился.

Ксения. (Улыбаясь). Садитесь, Степан Степанович, и успокойтесь. Ваш возраст, тем более судимость меня мало интересуют. Расскажите лучше, что вас так взволновало и даже ввергло служителя чистого искусства в бессонницу.

Крамской. Странно... Вы же знаете...

Ксения. Что?
Крамской. Вы же знаете... В первую нашу встречу я наговорил такого...
Ксения. И только? Больше у вас ничего нет?
Крамской. А разве этого мало?
Ксения. Для чего?
Крамской. Ну для того... Для того, чтобы посадить, расстрелять меня...
Ксения. Чудак вы, Степан Степанович.
Крамской. Чудак?
Ксения. Безусловно.
Крамской. Вы хотите сказать, что не собирались меня арестовать?
Ксения. За что? За то, что вам не понравился запах смазных сапог? Он мне тоже не нравится. Но разве в этом дело? Вам просто надо серьёзно кое над чем подумать.
Крамской. (Растерянно). Возможно... Возможно...
Ксения. Вы же умный человек, Степан Степанович. Я верю, вы очень скоро поймёте, что искусство — с народом. Сегодня, может быть, обутым в смазные сапоги и даже в лапти...
Крамской. Так вы не будете меня... Я могу уйти?
Ксения. (С шутливой значительностью). Расстреливать мы вас, так и быть, не будем. А уйти вы не можете...
Крамской. (Упавшим голосом). Арестуете?..
Ксения. Арестовать... Нет, тоже не будем. (И, глядя на растерянную физиономию актёра, звонко рассмеялась). Уйти вы не можете, пока не дадите обещания. Обещания не Чека, а мне лично.
Крамской. Какого?
Ксения. Скажите, Степан Степанович, сколько вы дали концертов в Кисловодске?
Крамской. Концертов? Какие же сейчас концерты?
Ксения. Концерты должны быть самые лучшие. Вы готовы принимать в них участие? Или вас всё ещё смущает запах смазных сапог?
Крамской. Не вспоминайте об этом, Ксения Михайловна! Петь я готов, я изнываю без сцены...
Ксения. Вот это обещание и требовалось от вас. Первый концерт для гарнизона и раненых бойцов. Согласны? (Крамской поклонился). Вот и хорошо. О времени и месте я вам сообщу. Если позволите, я даже возьмусь аккомпанировать вам. Согласны?
Крамской. Вы... Вы удивительная женщина! Вы исключительная...
Ксения. Вы не оставили намерения поволочиться за мной?
Крамской. Ксения Михайловна!
Ксения. А при первой встрече вы показались мне мужчиной очень решительным.
Крамской. Вы меня совершенно уничтожили... Я не могу прийти в себя. Прошу прощенья... (Целует Ксению руку). Впрочем, пардон, можно ли комиссару целовать руку?
Ксения. Можно, если комиссар женщина. (Провожает Крамского до двери). Ой, какой же великолепный экземпляр! (Посмотрела на часы). А времени оторвал много. (Звонит. Входит Перепелицин). Мародёр этот здесь?
Перепелицин. Матрос, что с бабами...
Ксения. Товарищ Перепелицин!
Перепелицын. Ну с этими, с женщинами подрался. Здесь. Они тоже здесь. Ждут и уходить не хотят.
Ксения. Хорошо. Давайте матроса, а женщин потом пригласите.
Перепелицин. Есть! (Вышел).

Вошёл Бобрик. Он сильно потрёпан, но держится нагло.

Ксения. (Просмотрев бумагу). Бобрик?

Бобрик. Ну, Бобрик. А дальше шо?

Ксения. Так. Садись.

Бобрик. (Сел). Долго вы над человеком измываться будете? За шо красного моряка под замок сажают?

Ксения. Ещё что скажешь?

Бобрик. Я молчать не буду. За шо кровь проливали! Я за революцию страдал...

Ксения. Это когда тебя женщины на базаре били?

Бобрик. Контры это, спекулянтки. Другой раз я из их душу вытрясу.

Ксения. Спекулянтки? (Позвонила. Вошёл Перепелицин).

Попросите свидетельниц. (Перепелицин вышел).

Бобрик. Ха, свидетели! Контры базарные на моряка будут капать!

Вошла старушка и две женщины — Марфа и Ольга.

Марфа. Здравствуйте, Ксения Михайловна!

Ольга. Уж вы нас простите, Ксения Михайловна, что время отнимаем, а только хочется нам эту шкуру на свежую воду вывести, чтоб не позорил Советскую власть.

Ксения. Ничего, ничего, товарищи. Проходите. Знаете вы этого человека?

Ольга. А как же! Он бабушкиному гусаку голову оторвал, а Марфа сторяча чуток ему не отвернула.

Ксения. Расскажите, бабушка.

Старушка. А чего там рассказывать. Позарился он на моего гусака ну и бог с ним...

Марфа. Нет, ты, Фёдоровна, погоди! Таких типов учить надо. Дело так было, Ксения Михайловна. Вот эта бабуся, у нас на улице её Фёдоровной кличут, купила гусака. Купила и, значит, остановилась со мной потолковать. Стоим это мы и спокойненько свой бабий разговор ведём: что там почём и всякое такое. Глядь, а этот вояка тут как тут, схватил гусака за голову и к себе тянет. «Почём гусь, бабка?» Ну, Фёдоровна ему свой резон:

«Оставь, ирод, чего ты его за башку дёргаешь. Не продаю я гусака». «Как не продаёшь?»

«Да я сама, говорит, его только-только купила. Отчепись ты, говорит, от меня, окаянный!» А этот нет — не отпускает, тянет. Гусак, конечно, трепыхаться начал. Тут и бабка в раж вошла, тоже тянет к себе. Этот матрос — две ленточки, тогда орёт: «Раз не продаёшь, так я, кричит, в интересах пролетариата его реквизирую!» Да как дёрнет — у гусака голова напрочь, а бабка с ног долой. Тут уж у меня дух занялся: схватила я этого гусака за лапки да по морде его, по морде!

Бобрик. Брешет она всё! Не била она меня по морде. (Вошёл Александр Ге, за ним доктор Фиалочкин. Остановились у двери).

Марфа. Собака брешет! Так я его этим гусаком отходила — он аж завизжал не своим голосом, а потом выхватил револьвер и давай палить — весь базар разогнал.

Бобрик. Контры вы все, спекулянтки...

Ольга. (Наступает на Бобрика). Это кто же контра? Это я контра? Когда Шкуро Кисловодск захватил, мы в одном отряде с товарищем Ксенией шкуринцев из города гнали. Ты тогда где был? Чего-то я тебя не заметила.

Ксения. (Бобрику). Ну, что скажешь?

Бобрик. (Распахнул бушлат). Ну на, на, пей мою кровь! Стреляй!

Александр. (Подошёл к столу). И будем мародёров расстреливать.

Ксения. Хорошо, всё понятно. (Женщинам). Вы, товарищи, можете идти.

Марфа. До свидания, Ксения Михайловна.

Старушка. Прощайте пока. (Пошла к двери, потом вернулась). Уж вы, Ксения Михайловна, не очень его... Бог с ним. Дурак ведь он. У меня у самой сын...

Ксения. Дураков учат, бабушка. Ничего, не тревожьтесь, всё как надо будет. (Проводила женщин до двери).

Бобрик. Товарищ Ге, ну признаю: ну, немного выпил, пошухарил чуток, ну с кем не бывает, а она мне контру шьёт. Я ж из трудового крестьянства, стою на платформе и все прочее такое...

Александр. На платформе стоишь? А знаешь, что за мародёрство расстрел?

Бобрик. Да разве ж я...

Александр. Хватит, Бобрик! (Позвонил. Вошёл Перепелицин). Уведите арестованного.

Бобрик в сопровождении Перепелицина вышел.

Александр. (Фиалочкину). Садитесь, доктор. В Эссенуки я позвоню и попрошу в ваш дом никого не вселять.

Фиалочкин. Благодарю вас, товарищ Ге.

Александр. Лекарство для сына, надеюсь, найдёте в аптечном фонде. Я напишу вам записку. (Пишет).

Фиалочкин. (Обессиленно садится). Как это ужасно...

Ксения. Что случилось, Лука Фомич?

Фиалочкин. Заболел сын. Вовочка наш. Дифтерит. Спасти может только сыворотка, а в Эссенуках не мог её отыскать...

Ксения. Это очень страшно, когда болят дети. Я понимаю вас...

Фиалочкин. Жена совсем потеряла голову. Он у нас единственный. Только сыворотка может спасти...

Александр. Я уверен, что вы найдёте её здесь. Вот вам письмо, доктор. Иногда и больной доктору может рецепт написать.

Фиалочкин. Я не знаю, как вас благодарить...

Александр. А вы и не благодарите...

Фиалочкин. Как можно! Навсегда ваш должник. До свидания, Ксения Михайловна.

Ксения. Передайте супруге, что я глубоко ей сочувствую.

Фиалочкин. Благодарю, это её поддержит.

Ксения. Простите, доктор, один вопрос.

Фиалочкин. Пожалуйста.

Ксения. Вы, кажется, знаете... Вам приходилось лечить больного Бруснева?

Фиалочкин. Бруснева? (На момент задумался). Ах, Бруснев! Отставной полковник? Старик?

Ксения. Да, да. Как вы находите состояние его здоровья?

Фиалочкин. Что ж, — обычные возрастные недуги: эмфизема лёгких, подагра... В общем — развалина.

Ксения. Благодарю вас. Больше не смею задерживать.

Фиалочкин. Всего наилучшего. (Ушёл).

Ксения. Как это тяжело, когда болеет ребёнок...

Александр. Дифтерит не шутка... (Закашлялся).

Ксения. Опять кашляешь? Плохо себя чувствуешь?

Александр. Чепуха! Не в этом сейчас дело.

Ксения. Случилось что-нибудь? Зачем тебя вызывали?

Александр. Плохие вести с фронта. Ставрополь взят белыми. Бои под Невинкой. Белые рвутся к югу и стянули большие силы...

Ксения. Кисловодск не минуют...

Александр. На город опять готовится налёт Шкуро. Он действует в контакте с генералом Петренко. А Кисловодск должен сдерживать натиск Шкуро и Петренко, иначе откроется возможность для удара во фланг одиннадцатой армии. Наша задача срочно найти и разорвать связи Петренко с городом.

Ксения. Нитка у нас в руках — Шабс — по ней разматываем весь клубок.

Александр. Разматываем, если сумеем... Ксения, а, может быть, лучше...

Ксения. Что лучше?

Александр. Лучше тебе уехать отсюда?

Ксения. Это почему же?

Александр. У тебя маленький ребёнок. Тебе надо быть в безопасности. Здесь скоро будет очень беспокойно.

Ксения. Саша, милый, ты же говоришь, а сам прекрасно знаешь, что напрасно.

Александр. К сожалению, знаю. Знаю и всё-таки говорю...

Ксения. Зря говоришь. Никуда я не поеду.

Александр. Однако надо быть готовыми...

Ксения. К чему?

Александр. Ко всему... Что у тебя здесь нового?

Ксения. Ничего интересного. Вот, например, полюбуйся.

Александр. (Взял бумагу, читает). Не поделили господа спекулянты. Пошли проверить этого Арутюняна, а кстати пусть заглянут и к Деканиди. Оба они давно на примете.

Ксения. (Позвонила. Вошёл Перепелицин). Товарищ Перепелицин, вызовите Родиона.

Перепелицин. Есть. (Вышел).

Ксения. Был совершенно комический случай.

Александр. Что такое?

Ксения. Приходил этот императорский актёр. Я тебе как-то о нём говорила.

Александр. Что ему нужно?

Ксения. Приходил арестовываться.

Александр. Господи, сколько ещё дураков на свете! Охота тебе с ними возиться! Подожди, Ксения, мне надо проверить, готов ли материал для товарища Дзержинского. (Вышел).

Вошёл Родион.

Родион. (У двери). Разрешите?

Ксения. Заходи. Вот что, Родион, возьми-ка двух бойцов и пройдишь на Пятницкий базар, в дом Арутюняна. Он, говорят, на днях скупил партию ворованной мануфактуры. Понимаешь?

Родион. Понятно. Не первый раз...

Ксения. А кстати там же рядом торговец Деканиди, посмотри, как он живёт. Действуй. Документы Перепелицин оформит. (Родион повернулся, чтобы уходить, но мнётся на месте). В чём дело, Родион?

Родион. Тут такое дело...

Вошёл Александр.

Ксения. Что у тебя случилось?

Родион. Да не случилось... Тут такое дело — случиться должно.

Александр. А чего ты покраснел, как рак?
Родион. Женюсь.
Александр. Вот это здорово! На ком же?
Ксения. Ну это всем известно, кроме председателя Чека. На Ане. Уговорил-таки?
Родион. Уговорил... Александр Юльевич, Ксения Михайловна, не откажите, придите...
Александр. На твою свадьбу?! Всё брошу, Родион, все дела по боку, а уж на твоей свадьбе спляшу!
Ксения. Спасибо, Родион, придём. Обязательно придём.
Родион. Вот спасибо! И Аня будет рада. Ну, я побежал спекулянтов трясти. (Вышел).
Ксения. Роман закончен ко всеобщему удовольствию.
Александр. Хорошие ребята... Что у тебя ещё есть?
Ксения. Дело полковника Бруснева.
Александр. Ну и как?
Ксения. Не раз с ним разговоры вела. Конечно, он знает генерала Петренко, но Петренко здесь многие знают...
Александр. Да, это не основание.
Ксения. Материалов в деле нет никаких. Арестовали его случайно при облаве, как офицера, не явившегося на регистрацию. Старый, действительно больной...
Александр. Жалость?
Ксения. Нет, законность. Нет оснований для его изоляции.
Александр. Хорошо, пускай идёт домой, а мы посмотрим за ним...
Ксения. Пускай так. (Позвонила. Вошёл Перепелицин).
Арестованного Бруснева сюда. (Перепелицин вышел). На, подписывай пропуск.

Вошёл Бруснев.

Ксения. Арестованный Бруснев.
Бруснев. Я вас слушаю.
Ксения. Может быть, вы добавите что-либо к своим показаниям?
Бруснев. Мне вообще показывать нечего: я давно живу в стороне от всех событий. Я уже имел честь докладывать вам об этом.
Ксения. Хорошо. Принимая во внимание ваш возраст и состояние здоровья, мы находим возможным освободить вас из-под следствия. Прочтите и подпишитесь. (Подает бумагу. Бруснев прочитал и подписался). Получите пропуск.
Бруснев. Благодарю вас. Поверьте, — никогда не забуду вашего великодушия и справедливости. (Ушёл).
Ксения. Жалкий старик.
Александр. Ну его к чёрту: не до него. Давай сюда все списки офицеров. Пригласи Осипова и Сидоренко. Займёмся делом.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья.

Обстановка предыдущей картины. Ксения и Родион сидят на диване. Родион утомлённый, небритый, в помятой шинели, из рук не выпускает винтовки.

Родион. Напирают шкуровцы. Сильно жмут. Атаками донимают. Страшно как бы с Кабан-горы не ударили — от города могут отрезать.

Ксения. Трудно вам там?

Родион. Держимся. Сегодня всю ночь их атаки отбивали. Жидки беляки в атаках-то: шуму много, а толку нет. Гоняли мы их почём зря. Два раза пришлось переходить Подкумок. Шинель потом морозом прихватило — аж звенит. После отогрелся. А где ж Александр Юльевич?

Ксения. Плохо с ним...

Родион. (С тревогой). Заболел?

Ксения. (Утвердительно кивнула головой). Позавчера опять пошла горлом кровь. Едва остановили. Сейчас лежит.

Родион. Ой, не ко времени! Шкуровцев в горах не пропустим. А только здесь тоже сволочей хватает, того и гляди...

Ксения. Знаем, Родион. Всё знаем...

Вошёл Перепелицин.

Перепелицин. Ксения Михайловна, пришёл актёр, тот — Крамской-Северный. Говорит, очень спешно...

Ксения. Пусть войдёт.

Перепелицин вышел. Вошёл Крамской-Северный.

Крамской. (Взволнованно). Ксения Михайловна, голубушка, что же это делается? Сегодня, как вам известно, у нас концерт в «Нарзанной галерее». Захожу туда — никого, один сторож. И этот сторож заявляет мне, что сейчас не до концертов.

Ксения. Пожалуй, он прав.

Крамской. Я пошёл в политотдел, а мне сказали, чтобы я немедленно уезжал из города. Даже предложили место в грузовом автомобиле...

Ксения. И они правы. Я об этом не подумала... Вам, Степан Степанович, действительно лучше немедленно перебраться в Пятигорск.

Крамской. У меня же концерты...

Ксения. Концерты отменяются. Положение в городе напряжённое — сейчас здесь фронт. А вы должны быть в безопасности.

Крамской. Почему я? Вы же не уезжаете?

Ксения. Таких людей, как вы, нельзя подвергать риску. Отправляйтесь в Пятигорск. Прoberитесь в Астрахань, а оттуда вам помогут доехать до Москвы. Вы нужны в Большом театре, в Мариинке...

Крамской. Извините, но не подходит. Я мужчина и должен быть в тылу, а вы дама...

Ксения. (Твёрдо). Спорить не будем, это приказ, Степан Степанович. Спешите, пока не ушла машина политотдела.

Крамской. Я бы никому не подчинился, но вам... Вы сами не представляете, что значила для меня встреча с вами...

Ксения. Об этом вы мне скажете после войны, а сейчас — прощайте.

Крамской. (Поцеловал руку Ксении). Благодарю вас за всё, за всё. У меня нет слов... До свидания... (Ушёл).

Родион. Вот же смешной человек...

Ксения. Это большой актёр. Очень большой. Он мог бы остаться у белых... Нет, теперь он будет с нами...

Родион. Ксения Михайловна, а к чему меня с фронта вызвали? Там же каждый человек на счету...

Ксения. Тебе не следовало туда уходить.
Родион. Почему? Почти все из Чека ушли.
Ксения. А тебе надо быть здесь. В случае оставления города имеешь особое задание?
Родион. Разве ж... Ксения Михайловна?.. Да не пустим мы Шкуро в Кисловодск.
Ксения. Дело не в Кисловодске, Родион. Одиннадцатая армия отступила на Святой крест — Кисловодск потерял теперь всякое стратегическое значение. В ближайшее время тебе придётся выполнять особое задание в тылу белых.
Родион. Понятно...

Вошёл Александр. Он бледен, похудел, движется с трудом, но глаза стали ещё глубже, горячее.

Ксения. Александр!
Родион. Здравствуйте, Александр Юльевич.
Ксения. Зачем ты поднялся, Александр? Доктор запретил тебе даже двигаться, а ты...
Александр. А я нарушил запрещение... (Сел за стол). Не время валяться. Может, ещё в тыл эвакуировать захотите? Не выйдет! Почему ты в таком фронтовом виде, Родион?
Родион. Я ж на фронте был, Александр Юльевич, да вот вызвали...
Ксения. Родиону пора готовиться к выполнению особого задания.
Александр. Как видно, пора... (Родиону). Иди-ка измени свой фронтовой вид.
Родион. Понятно. (Вышел).
Ксения. Александр, ты не имеешь права так рисковать собой. Разве можно тебе вставать...
Александр. (С раздражением). Не будем больше об этом.
Что здесь нового?
Ксения. Новости есть... Сегодня утром, перед расстрелом, полковник Шабе признался до конца...
Александр. Ну?
Ксения. Офицерский мятеж предполагалось приурочить к наступлению Шкуро на город. Шабе уверял, что из-за его ареста восстание не может состояться.
Александр. Чепуха! Врёт, следы замечает. Здесь есть свои руководители.
Ксения. Да. Руководитель офицерского заговора и доверенное лицо генерала Петренко — полковник Бруснев.
Александр. Что?
Ксения. Да. Тот Бруснев, которого я не сумела разгадать.
Александр. Отпустили! Сами отпустили! В руках был.
Какие меры приняли?
Ксения. Ищем. Только что получили сведения, что Бруснев в доме адвоката Курецкого. Пошли туда.
Александр. (Встал). Самому надо. Самому! Сейчас это решает многое. Надо обезглавить заговор. Шкуро на подступах к городу. Офицеры могут в любую минуту...
Ксения. Вот поэтому тебе и нельзя отсюда уходить. Пойду я! Переверну город, а Бруснева найду.
Александр. Спешу. В нашем распоряжении, может быть, часы, а, может, и минуты. Действуй решительно: не сумеете взять, уничтожьте.
Ксения. Понятно. Только... Очень прошу, береги себя. Не выходи никуда сам. Мы тебя будем держать в курсе дел...
Александр. Хорошо.
Ксения. (Надела кожаную куртку, подтянулась ремнем, проверила револьвер, сунула его в карман. У двери остановилась и вопросительно посмотрела на мужа). А Вита?

Александр. О дочери не беспокойся, с ней Аня. Ты смотри, Ксения...

Ксения. Что, Саша?

Александр. Береги себя.

Ксения. (Порывисто обняла Александра). Не волнуйся за меня, Саша, не первый раз.

Вошёл доктор Фешин.

Фешин. (Александр). Я так и знал, что вы здесь!

Ксения. Хорошенько его, доктор. А меня простите, ухожу.

Фешин. Куда это? Разве можно этого комиссара оставлять одного — убежит. И вообще, матушка, вы-то почему разрешили ему подняться?

Ксения. А он и не спросил меня: просто воспользовался тем, что меня нет дома. Вот и задайте ему хорошенько, чтобы слушался жену. (Вышла).

Фешин. Сумасшедший дом! Она спешит, он с постели убежал, никого не спросившись. Сам себе комиссар! Почему вы поднялись с постели?

Александр. Надо, доктор. Очень надо.

Фешин. Если вам надо бегать, то нечего было приглашать врача. Вам предписано лежать и не двигаться. Я вам не мальчик, чтобы разыскивать больных по городу!

Александр. Не сердитесь, доктор, и не ругайтесь...

Фешин. Целовать мне вас? Да? Сами-то вы понимаете, в каком вы состоянии?

Александр. Прекрасно понимаю, Михаил Васильевич, но для лежания сейчас время и обстановка, как бы вам сказать... не соответствующие.

Фешин. Туберкулёз, батенька, не признаёт обстановки. А какое мне-то дело до обстановки? Моя обязанность лечить больных, а в обстановках вы сами разбирайтесь — это уж ваше дело. Да-с... Сам вижу, какое теперь время. Кабы не оно, прописал бы я вам уехать в санаторий по меньшей мере на полгода. А сейчас я от вас требую полежать спокойно всего каких-нибудь две-три недели...

Александр. Три недели? Воля ваша, доктор, чудак вы!

Фешин. Спасибо! Тронут! Я же чудак! Они развели всю эту кутерьму, в которой трудно разобраться, а чудак я.

Александр. Простите, доктор, я не хотел вас обидеть. А кутерьма, как вы говорите, скоро успокоится и всё окажется на своём месте.

Фешин. Простите-с, не моего ума дело. Политика не входила в курс обучения врачей. И не обучен, батенька... Давайте-ка хотя пульс проверим. (Взял Александра за руку, считает пульс). Ну вот, едва прощупывается. Не понимаю, не могу постигнуть, откуда у вас взялись силы, чтобы подняться да ещё явиться сюда...

Александр. Ещё есть силы, доктор.

Фешин. Фантазмагория! За всю практику не было у меня таких больных. В вашем состоянии можно только лежать.

Вошёл Перепелицин.

Перепелицин. Пакет из Ревкома. Весьма срочно.

Александр. Давайте.

Фешин. Какое уж тут лежание! Вижу, что мешаю. Ухожу.

Александр. Заходите, доктор. Вот немного освобожусь и, даю слово, послушно буду лежать.

Фешин безнадежно махнул рукой и вышел.

Александр. (Вскрывает пакет, прочитал бумагу). Так... Товарищ Перепелицин, где архивы Чека?

Перепелицин. По распоряжению Ревкома ночью основные архивы отправлены в Пятигорск.

Александр. Хорошо. Все оставшиеся документы немедленно уничтожить.

Перепелицин. (Растерянно). Как?

Александр. (Спокойно). Сжечь.

Перепелицин. Что это? Эвакуация?

Александр. Выполняйте приказание, товарищ Перепелицин. (Взял со стола несколько папок). Тоже сжечь. И пошлите ко мне Родиона.

Перепелицин. Есть! (Вышел).

Вошёл Родион. Он в пиджаке, чёрных брюках — обычный вид мастерового.

Александр. Город эвакуируется. Задание хорошо понял?

Родион. Понял.

Александр. Явки заучил?

Родион. Всё в порядке.

Александр. Через три минуты тебя и Чижова не должно быть в здании. Пять дней не показывайтесь, не дышите. Потом действуйте.

Родион. Ясно.

Александр. Желаю успеха, Родион. (Крепко пожал ему руку, потом обнял и поцеловал). Надеюсь на тебя, друг.

Родион. Не подведу, Александр Юльевич.

Александр. Иди.

Родион вышел.

Александр. А Ксения ушла... Вот оно испытание, что бывает у человека только раз в жизни... (Глубоко задумался, опустив голову на руки). Срок полчаса. А если за это время Ксения не вернётся? Я дал ей слово и без неё не уйду отсюда... (Подшёл к сейфу, открыл его — сейф пуст. Александр ещё раз осмотрел каждую полку). Ничего не осталось... (Слышен отдалённый сильный взрыв). В районе вокзала. Что это? Разрушили пути? Мост? Зачем? (Телефонный звонок. Александр взял трубку). Слушаю. Да. Что?.. На вокзале?.. Принимаем меры. (Положил трубку). Началось. Значит, ушёл Бруснев. Обезвредить вас не удалось, господа офицеры, но вы всё равно опоздали: город уже эвакуируется... А задержать вас надо. (Нажимает кнопку звонка, потом зовёт). Перепелицин!

Вбежал Перепелицин.

Перепелицин. Есть!

Александр. Что с документами?

Перепелицин. Все в топке отопления. Горят.

Александр. На вокзале начался офицерский мятеж. Всем, кто остался в Чека, вооружиться и на вокзал. Надо блокировать офицеров и дать возможность Ревкому закончить эвакуацию.

Перепелицин. Понятно. (Хотел идти).

Александр. Пойдите. Есть у вас транспорт?

Перепелицин. Одна двуколка, гружёная имуществом: оружие, машинки...

Александр. Хорошо. Вы остаётесь здесь. Уничтожьте все документы, уезжайте в Пятигорск. Срок полчаса. Если за это время возвратится Ксения Михайловна и товарищи, пусть уходят с вами. Мы сюда не вернёмся: при отходе присоединимся к своим частям.

Перепелицин. Понятно.

Александр. Соберите людей. (Перепелицин вышел). Надо идти. Говорите — фантазмагория, дорогой доктор?.. Это мы ещё посмотрим. (Оделся, завязывая шарф, тепло улыбнулся). Шарф я завязал, Ксения. А тебя не дождался... Не мог. Ты извини меня, но мы ведь обязательно увидимся. Увидимся!

Вошёл Перепелицин.

Перепелицин. Все собрались. Восемнадцать человек.

Александр. Хорошо. (Пошёл к двери, остановился). Проверьте ещё раз стол, чтобы ничего не осталось, ни одной бумажки. (Вышел).

Перепелицин. (Торопливо просматривает все ящики стола). Ничего нет... И тут пусто...

Вошла Ксения.

Ксения. Где Александр?

Перепелицин. Товарищ Ге со всеми, кто был, ушёл к вокзалу. Там восстание офицеров. Вам приказано немедленно выезжать на двуколке с имуществом Чека в Пятигорск.

Ксения. Мне надо захватить дочь. Её я не оставлю. (Бросилась к телефону). Станция... Станция... Станция, дайте гостиницу «Эльбрус»... (И сразу положила трубку). На телефонной станции белые...

Перепелицин. Надо уезжать. Они могут ворваться сюда.

Ксения. Без паники, Перепелицин. Уезжайте немедленно.

Перепелицин. Приказано, чтобы и вы...

Ксения. Я должна отыскать дочь...

Перепелицин. Мне приказано...

Ксения. (Резко). А я приказываю вам немедленно уезжать.

(Другим тоном). Слушайте меня, Перепелицин. Я выберусь сама.

Нельзя, чтобы захватили имущество. Уезжайте не медля...

Перепелицин. Слушаюсь. До свидания, Ксения Михайловна. (Вышел).

Ксения. Вот и всё. Ушли. (Горько усмехнувшись). Собери тут всю семью. Муж в самое пекло бросился. Больной, без сил... А дочь? Аня её не бросит. Нет, не бросит... (Подшла к телефону, хотела взять трубку и махнула рукой). Надо идти туда...

(Под окном выстрелы, близкая пулемётная очередь). Что это? Где-то совсем близко...

(Бросилась к окну). Ничего не видно. Неужели прорвались в город. Что будет с Александром?..

Вбежала запыхавшаяся Аня.

Аня. Ксения Михайловна! Как хорошо, что застала... В городе белые...

Ксения. Офицерский мятеж...

Аня. По пятаку скачут казаки. От вокзала пробежали офицеры. Стреляют. Я едва успела вскочить в подъезд...

Ксения. Где Вита?..

Аня. Дома. А вы? Почему вы здесь? Вам надо скорее уходить. Они и сюда ворвутся.

Ксения. Без дочери я не могла. А как сейчас выбраться из города?

Аня. Сейчас не выберетесь. До ночи спрячьтесь у нас дома.

Ксения. Пойдёмте, Аня...

Аня. Снимите, Ксения Михайловна. Снимите...

Ксения. Что снять?

Аня. Куртку снимите.

Ксения. Правильно. (Сбросила кожаную куртку и фуражку. Аня подаёт ей свой жакет).

Не надо, Аня.

Аня. Надевайте, обязательно надевайте. (Почти насильно надевает на Ксению жакет, повязывает её голову своим шерстяным платком). Так лучше. Так не узнают...

Ксения. Спасибо вам, Аня. Хороший вы человек. (Поцеловала Аню). Слушайте Аня, что бы со мной не случилось, не покидайте моего ребёнка, мою Викторю. Вы её не бросите? Ведь нет?

Аня. О Вите не беспокойтесь, Ксения Михайловна, не думайте даже. Вы только себя берегите.

Ксения. Спасибо, Аня. Пойдёмте.

Аня. Подождите минутку. На улице кажется затихло. Я взгляну что там делается... (Вышла).

Ксения. (Подошла к окну, прислушалась). Нет, ничего не слышно. Тихо... Даже на вокзале стрельба прекратилась. Неужели всё кончено и город у белых? Так быстро... Где же Александр?... Конечно, ушёл со своими. Наверное, отступают в сторону Пятигорска. Завтра я догоню их. Обязательно догоню, и мы опять будем вместе. Только дочь всё же придётся оставить у Ани. С ребёнком на руках не уйти... Но это не надолго. Мы скоро вернёмся. Мы обязательно вернёмся.

Вбежала взволнованная Аня.

Ксения. Что случилось, Аня?

Аня. Его схватили...

Ксения. Кого? Александра? (Аня утвердительно кивает головой). Где? Где его схватили, Аня? (Почти кричит). Да не молчите вы.

Аня. Ничего не знаю. Я из-за двери видела, как его офицеры вели по улице...

Ксения. (Тихо). Вы не ошиблись?

Аня. Нет...

Ксения. (Безвольно опустилась на диван).

Занавес.

Картина четвёртая.

Бывший кабинет Александра Ге в гостинице «Гранд Отель», превращённый в кабинет коменданта Кисловодска. Отовсюду стасена дорогая мебель, ковры. Развалившись в кресле, сидит Сладковский. На нём адъютантские аксельбанты. Корнет Качиони у телефона.

Качиони. (В телефонную трубку). Я надеялся застать вас здесь, у коменданта. Что? Прикажете подождать? Слушаю... Приказание выполнено... При попытке к бегству... Слушаю. Ожидаю. (Положил трубку).

Сладковский. Итак, какие же откровения явились тебе, мой юный друг, в пустынной степи?

Качиони. Не смейся над этим, Сладковский... Вообще всё омерзительно. А! Не в том дело! Главное — мне показалось, что я очень давно живу на этом свете. А ведь если разобраться по существу, я ничего, совсем ничего не видел в жизни. Ничего, кроме кадетского корпуса и этой давно надоевшей войны...

Сладковский. У тебя опасные мысли, шер ами.

Качиони. А чёрт с ними! Наплевать на мысли! У меня есть только одно желание — жить! (Мечтательно). Я приезжал в Кисловодск ещё перед войной совсем мальчишкой. Здесь было весело и бездумно. Какие тут были женщины! Какие туалеты, сколько драгоценностей! Шампанское разливалось реками. А я только с завистью смотрел на ту жизнь... Что делать — не дорос! Здесь сам Северянин читал свои стихи:

Я интуит с душой мимозовой
Постиг бессмертия процесс,
В моей стране есть терем грёзовый
Для намагниченных принцесс...

Пойми, Сладковский, я жить хочу. Жить так, чтобы дух захватывало. Хочу шампанского, счастья. Любить хочу, чёрт возьми! Любить сказочную грёзопринцессу...

Немного раньше вошёл начальник контрразведки полковник Рязанов, послушал, усмехнулся.

Рязанов. Не увлекайтесь, корнет, принцессами: особы капризные и больших расходов требуют.

Качиони и Сладковский вскочили, вытянулись.

Качиони. Здравия желаю, господин полковник!

Рязанов. Адъютант, там у вас какие-то просительницы ждут, а вы тут грёзофарс развели. Подите посмотрите, какого чёрта им надо.

Сладковский. Слушаюсь, господин полковник! (Вышел).

Рязанов. (Снимает фуражку и перчатки). Когда эта старая перечница будет?

Качиони. Комендант города обещал скоро быть, господин полковники.

Рязанов. (Посмотрел на часы). Придётся подождать, а то опять обидится. (Сел, закурил). Садитесь, корнет. Можете курить.

Качиони. Благодарю. Здесь есть дело, с которым приказано ознакомить вас.

Рязанов. Что там ещё?

Качиони. В подвале Чека обнаружен арестованный матрос.

Рязанов. (С недовольной гримасой). В расход.

Качиони. Но этот матрос уверяет, что он унтер-офицер, а в матросскую форму его одели для устрашения населения.

Рязанов. Любопытно. А нуте-ка доставьте его сюда.

Качиони. Слушаюсь. Кроме того, я уже докладывал вам, что задержал подозрительную женщину...

Рязанов. Надоела эта мелочь. Женщины больше по части коменданта города. Ему как раз по возрасту с бабами воевать. Давайте матроса.

Качиони. Слушаюсь! (Вышел).

Звонит телефон. Рязанов лениво снял трубку.

Рязанов. Да, слушаю. Кабинет коменданта города. Его нет. Коменданта нет. Кто спрашивает? Ах, это вы, ротмистр! А чёрт его знает, когда он будет. Да, полковник Рязанов. Что? Пленных красноармейцев? Коммунисты есть? Не выдают? Ну, знаете, ротмистр, это не делает вам чести. Больше недели возитесь. Примите более решительные меры. Поговорите с ними, пообещать можете. Да, что хотите, то и обещайте. Хоть престол российский обещайте. Нет, никаких публичных представлений. Отведите за город... До свидания, ротмистр. Желаю успеха. (Положил трубку). Осёл! (Посвистывая, прошёлся по кабинету). Да-с, превратили жизнь в голубой грёзофарс, только грёз не осталось: один фарс и тот довольно грязный.

Вошёл Сладковский.

Сладковский. Господин полковник, здесь торговцы, те, что у большевиков в подвале сидели. Я вам докладывал. Может быть, разберётесь с ними на месте?

Рязанов. Чёрт с ними — давайте.

Сладковский вышел и возвратился с Арутюняном и Деканиди.

Рязанов. (Осмотрел их с ног до головы). Ну? Что за фигуры?

Деканиди. Честные коммерсанты, пострадали от большевизма.

Арутюнян. Честный коммерсант это — я, а он — доносчик.

По его доносу меня большевики в подвал упрятали.

Деканиди. Ха! Меня душит смех! Я доносчик! Я его посадил, а сам от хорошей жизни в подвал попал. Пришёл и сам попросился: мне, знаете, без Арутюняна на воле скучно было.

Арутюнян. Посадили потому, что вы ворованного каракуля припрятать не сумели.

Деканиди. Ворованным я не торгую. Вот вы другое дело...

Рязанов. Довольно!.. Понятно. Деньги есть?

Арутюнян. Деньги?

Деканиди. С собой нет.

Рязанов. Не с собой, так дома.

Деканиди. О какой сумме идёт речь?

Рязанов. По двадцать тысяч с рыла.

Деканиди. Ой, ой! Бог мой! Ох!..

Арутюнян. Где же столько взять? Нас большевики...

Рязанов. (Сладковскому). Отправить обратно в подвал.

Деканиди. Зачем спешить? А по десять тысяч вас не устроит?

Рязанов. Нет. В подвал.

Деканиди. Постойте, это же дело коммерческое. А если такие деньги найдутся?

Рязанов. Пойдёте ко всем чертям. Обдирайте православных дальше.

Арутюнян. Я согласен.

Деканиди. Я на всё готов для доблестной добровольческой армии.

Рязанов. Вот и прекрасно. Прапорщик, пускай они там у вас напишут записки домой.

Деканиди. И после этого мы сразу будем свободны?

Рязанов. Немедленно. Даже с лестницы поможем сойти.

Сладковский. Прошу вас, господа коммерсанты.

Арутюнян. Вы, господин Деканиди, стоите мне двадцать тысяч, не считая мануфактуры. Я этого не забуду.

Деканиди. Господин Арутюнян, вы обратно стоите мне двадцать тысяч, не считая каракуля и неприятностей. У меня тоже память крепкая.

Деканиди и Арутюнян в сопровождении Сладковского вышли. Вошёл

Качиони.

Качиони. Господин полковник, разрешите ввести матроса?

Рязанов. Давайте.

Качиони вышел. Возвратился с Бобриком.

Бобрик. (Браво, по-унтерски вытянулся). Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Рязанов. Кто такой?

Бобрик. Унтер-офицер 178 Венденского пехотного полка Ферапонт Бобрик.

Рязанов. А если врѣшь?

Бобрик. Ваше высокоблагородие, богом клянусь. (Крестится).

Рязанов. Ак большевикам как попал?

Бобрик. По случайности...

Рязанов. За такие случайности вешают.

Бобрик. Ни сном, ни духом не виноват. Как перед истинным говорю. Большевики насильно забрали и вот в эту анафемскую одѣжину обрядили. Только я престол-отечеству верен оставался: против своих не дрался, насильничать отказывался. За это они меня и в подвал посадили.

Рязанов. Врѣшь ты всё, морда! Ты, мерзкая животи́на, всех и вся готов продать! А, впрочем, чёрт с тобой. Не ты первый — у нас такой сволочи много...

Качиони. Господин полковник, что вы говорите!

Рязанов. (Похлопал Качиони по плечу, насмешливо). Да, да, корнет. Смотрите на жизнь более трезво. Жизнь — настолько мерзкая штука, что чувствительными стихами её не исправишь...

Вошёл Сладковский.

Сладковский. Господин комендант города прибыл. (Вышел).
Вошёл полковник Бруснев. Он помолодел, пропала его напускная дряхлость.

Бруснев. (Рязанову). А, вы здесь! Здравствуйте. (Обратил внимание на Бобрика). Это ещё что?

Бобрик. Унтер-офицер 178 Венденского пехотного полка, георгиевский кавалер Ферапонт Бобрик.

Бруснев. Очень странный вид... И где-то я его видел...

Бобрик. Точно так: здесь в Кисловодске при большевиках. Только не извольте беспокоиться: я присягу государю-императору не забыл. Могу всех здешних большевиков назвать и даже дома их указать.

Рязанов. Это уже интереснее. Корнет Качиони, займитесь.

Качиони. Слушаюсь. Разрешите идти?

Рязанов. Идите.

Качиони и Бобрик ушли.

Бруснев. Фу, какая отвратительная морда! Как вам, полковник, не противно возиться с такой сволочью?

Рязанов. Ничего, и эта морда может пригодиться, когда лучшего нет.

Бруснев. (С пафосом). Вы неправы! Наше святое дело — восстановление России, единой и неделимой, можно делать только чистыми руками, с высокими помыслами, с именем бога и покойного императора в сердце.

Рязанов. С таким оружием многого не добьѣшься. Предпочитаю пулемѣт и плѣтку.

Бруснев. Не могу с вами согласиться. Вам, молодёжи, не хватает возвышенных чувств, вы делаетесь чёрствыми. Да-с...

(Прошёлся по комнате, недовольно фыркая). Что нового?

Рязанов. Анджиевский опять скрылся.

Бруснев. Знаю. Не делает чести контрразведке.

Рязанов. (Хотел ответить резко, но только пренебрежительно усмехнулся). С комиссаром Ге кончено.

Бруснев. То есть как? Его убили?

Рязанов. Совершенно верно. Вывезли в степь и немного, кажется, порубили шашками.

Бруснев. Но приговор?

Рязанов. А! Приговор написать никогда не поздно. Да это и не обязательно: убит при попытке к бегству.

Бруснев. (С опаской взглянул на Рязанова). Да, да, конечно...

Рязанов. Он был еле живой. Пробовал его допрашивать — молчит. Живым его держать было не к чему, да могли быть и попытки к освобождению...

Бруснев. Совершенно верно. Я вполне с вами согласен.

Вошёл Сладковский.

Сладковский. Разрешите?

Бруснев. Да, да, зайдите.

Рязанов. Я очень рад, что вы одобряете мои действия. Не буду больше мешать вам пустяками. Честь имею! (Вышел).

Бруснев. До свидания... Какой страшный человек. Вероятно потому он и считается отличным начальником контрразведки.

Сладковский. Разрешите доложить?

Бруснев. Что вам, голубчик? Я очень рад, что вы вошли вовремя: разговор с полковником Рязановым никогда не доставлял мне удовольствия. А особенно наедине... Так о чём вы?

Сладковский. Корнетом Качиони задержана какая-то очень подозрительная женщина. Полковник Рязанов приказал доложить вам.

Бруснев. Опять Рязанов! Везде Рязанов! Почему полковник не допросил эту женщину? При чём здесь я?

Сладковский. Не могу знать.

Бруснев. Бог знает, что такое! Пошлите сюда Качиони.

Сладковский. Слушаюсь. (Вышел).

Бруснев. (Садится за стол, замечает, что не снял шинели, снял, швырнул на диван. Вновь усаживается. Брезгливо сбросил окуроч, оставленный на столе Рязановым). Высочка! При попытке к бегству. Скороспелые «полковники» милостью Шкуро, завладели армией...

Вошёл Качиони.

Качиони. По вашему приказанию явился, господин полковник.

Бруснев. Хорошо, голубчик.. Какую вы там женщину задержали?

Качиони. Сегодня я, по распоряжению полковника Рязанова, сопровождал арестованного комиссара Ге...

Бруснев. Вы тоже... Тоже сопровождали Ге до конца?..

Качиони. Да... (Нервно вытирает руки платком). До самого конца.

Бруснев. Так... Ку и что же?

Качиони. Вот там, в степи мы задержали эту женщину. Оказывается, она бежала следом за нами из города и, когда увидела уже мёртвого

комиссара, стала словно безумной. У неё был револьвер. (Положил револьвер на стол). Мне кажется, господин полковник, что она имела близкое отношение к Ге.

Бруснев. (Оживился). Вот как! А нуте-ка, голубчик корнет, давайте её сюда побыстрее.

Качиони. Слушаюсь. (Вышел).

Бруснев. (Возбуждённо вскочил, прошёлся). Это интересно... Это очень интересно...

Вошла Ксения в сопровождении Качиони.

Бруснев. Надеюсь — не навождение? Это вы, госпожа Ге?

Ксения. Как видите.

Бруснев. Какая приятная встреча! Вам, конечно, более приятны были наши первые встречи вот в этой самой комнате? Не так ли?

Ксения. Нет. Сейчас вы без маски и это лучше...

Бруснев. А ля гер, ком а ля гер. Доверчивость на войне — враг. Вы держали в руках весь клубок и искали ниточку. Пока искали ниточку, клубочек, так сказать, укатился. Да-с... (Довольно смеётся)... Вот так-с. Так меняются времена... Кстати, квартиру-то вашу мы здесь нашли, и ребёночек будет рад маме.

Ксения. Где она? Дайте мне дочь...

Бруснев. Не будем торопиться. Запомните, сударыня, что всё: и ваша жизнь, и благополучие, и жизнь вашего ребёнка зависит от вашего поведения и сговорчивости. Я даже не передам вас контрразведке. О, нет! Этого Рязанов от меня не дожждётся... Сейчас вам надо немного успокоиться. Оценить своё положение и... подумать о судьбе ребёнка. Корнет, отведите арестованную. Поместите её здесь же, в «Гранд Отеле», наверху в номере 114. Там, где провёл последние часы её супруг. Он незримо будет присутствовать около и подскажет правильное решение...

Ксения. Какой вы, господин полковник, подлец! (Идёт прямо на Брусневу, тот отступает за стол. Но Ксения больше не обращает на него внимания и коротко говорит Качиони). Ведите, корнет.

Занавес.

Картина пятая.

114 номер: тесная комната на четвёртом этаже «Гранд Отеля». Стены скучно серого цвета. Высокое окно. Под ним батарея центрального отопления. Простая железная койка, под серым одеялом. Непокрытый стол, стул. Ксения у окна. Она напряжённо всматривается в темноту ночи. На столе горит свеча.

Ксения. Ни одной звёздочки не блестит. Какая тёмная ночь... Вот и жизнь кончается. Страшно и нелепо! Жизнь только начиналась и столько хорошего, светлого было впереди... Ну что ж, пусть это светлое достанется детям. Виктории. Мы недаром прошли по жизни... (Задумалась, глядя в окно).

Вошли Рязанов и Качиони.

Рязанов. Здравствуйте, госпожа Ге.

Ксения. (Молча повернулась к нему. Ей трудно оторваться от своих мыслей, и она равнодушно, не видя, смотрит на офицеров).

Рязанов. Придётся нам ещё раз побеседовать.

Ксения. Что такое? О чём?.. Вам ещё не надоело?

Рязанов. Что ж делать, служба. Не беспокойтесь, это последний наш разговор. Скорее, простая формальность.

Ксения. Тем лучше.

Рязанов. Итак, госпожа Ге, что вы ещё хотите добавить к вашим показаниям?

Ксения. Ничего.

Рязанов. Рекомендую: раньше подумать, а потом отвечать.

Ксения. Повторяю: никаких показаний вам не давала и давать не собираюсь.

Рязанов. Вы тверды. Ну что же... Должен объявить вам, что по вашему делу состоялся приговор военного суда.

Ксения. Вы что-то торопитесь.

Рязанов. Нет смысла тянуть. Можете ознакомиться с приговором. (Подал Ксении бумагу).

Ксения. (Читает частью вслух, частью про себя). Военный суд в составе полковника Бруснева, штаб-ротмистра Серова, поручика Энгельгарта рассмотрел дело по обвинению Карташевой Ксении Михайловны, урождённой Сердюковой, называющей себя Ге, 26 лет от роду... (Читает про себя, потом вслух). Обвиняемой по статье 108 Уложения о наказаниях... Судебным следствием установлено... Приговаривает Карташеву-Ге, Ксению Михайловну, 26 лет от роду к лишению всех прав, звания, состояния и к смертной казни через повешение». (Собрав всю волю, говорит спокойно, почти равнодушно). Иного я и не ожидала...

Рязанов. И всё же это не конец.

Ксения. Что вам ещё нужно?

Рязанов. Дальнейшее зависит от вас: пожелаете и завтра утром вас повесят. Публично. Барабан будет выбивать мелкую дробь, а грубая верёвка вопьётся в вашу шею, и вы, на потеху собравшейся толпы, будете корчиться в предсмертных судорогах.

Вас соблазняет такая перспектива?

Ксения. Что вам ещё?

Рязанов. Немного. Мы же знаем, что в Кисловодске осталась подпольная группа большевиков. Стоит вам сказать слово, и вы останетесь жить. Жить достаточно обеспеченно, спокойно, вместе с ребёнком, где-нибудь в Швейцарии...

Ксения. Предпочитаю первое.

Рязанов. Напрасно. Перспектива болтаться в петле... Фи! Мне кажется, любая мать ради ребёнка...

Ксения. Слушайте, вы! Не смейте говорить о ребёнке!

Рязанов. (Пожал плечами). Тем хуже для вас... Имеются ли у вас какие-либо заявления или просьбы?

Ксения. Никаких просьб не имею. Впрочем... Я хотела бы проститься с ребёнком...

Рязанов. Это мы имели в виду. За ребёнком уже послано.

Корнет Качиони, распорядитесь принести ребёнка сюда.

Качиони. Слушаюсь. (Вышел).

Рязанов. Дочку вам сейчас принесут. Может быть, сознание того, что завтра она останется круглой сиротой в этом неуютном мире, заставит вас пересмотреть своё решение...

Ксения. Это что, господин полковник, новый вид пытки, придуманный вами?

Рязанов. О, нет, мадам! Пытки мы к вам не применяли...

Ксения. Боялись огласки?

Рязанов. Огласки не боялись. Просто применение пытки к фанатикам не даёт нужного результата. Другое дело, когда страдает близкое им существо. Дочь, скажем...

Ксения. Зачем вы велели принести ребёнка? Я не хочу её видеть...

Рязанов. Вы потеряли самообладание? Вы колеблетесь?

Ксения. Нет... Нет, на это у вас не хватит силы... Не надо приносить ребёнка...

Рязанов. Не волнуйтесь — ему ничего не грозит. Кстати, кому бы вы хотели передать девочку, когда... когда вас не будет?

Ксения. Я очень бы хотела, чтобы Вита осталась...

Рязанов. Ну?

Ксения. ...У кого вы найдёте нужным.

Рязанов. (С досадой). Вот как! Хорошо. Может быть вы желаете, чтобы ребёнок остался у коридорной из «Эльбруса». Её, кажется, Анной зовут?

Ксения. (Равнодушно). Что ж, пускай будет у неё — мне безразлично. Здесь у меня никого близких нет.

Рязанов. Никого?

Ксения. Совершенно никого.

Рязанов. Удивительно! Неужели у вас нет даже знакомых, которым вы могли бы поручить судьбу любимой дочки?

Ксения. Успокойтесь. Никого нет.

Рязанов. Почему же вы хотите, чтобы ребёнок был передан коридорной?

Ксения. Это вы предложили, а мне всё равно.

Рязанов. Вы не любите своего ребёнка.

Входит Аня с ребёнком, за нею Качиони.

Ксения. (Рванулась к ребёнку).

Аня. Возьмите её, Ксения Михайловна. Истосковалась она по вас. (Передала ребёнка Ксении). Я укутала тепло — вы её обязательно разверните, а то ей жарко.

Рязанов. Вы очень привязаны к госпоже Ге, Так?

Аня. Как так привязана? Никто меня не привязывал. Жиличка она была в нашей гостинице. Ничего не скажу — платили хорошо, скандалов от них тоже не было. Солидные, спокойные жильцы...

Рязанов. Большевистские комиссары?

Аня. А уж это не нашего ума дело, господин офицер. Жили они, теперь живут офицеры, а наше дело всем угодить, чтобы жалоб не было.

Рязанов. Ты даже ребёночка её пригрела: тоже, чтобы жалоб не было?

Аня. Чего ж дитё бросать, если без присмотра осталась? Да, и заплачено мне за присмотр. Кабы мне не платили — стала бы я с ней нянчиться! Ого!

Рязанов. Вот дурёха! Иди отсюда.

Аня. Чего ж, за ребёнком не приходите? Совсем освободили меня от него?

Рязанов. Иди, иди. Надо будет — позовут. (Аня вышла).

Ксения. (Прижимая к себе ребёнка). Я хочу побыть с ребёнком одна...

Рязанов. Хорошо. Мы не будем мешать вашему очень короткому счастью. Помните о нашем особом отношении к вам: даже когда вам на шею будет накинута петля, не поздно её снять... попросив пощады.

Ксения. Уходите, прошу вас.

Рязанов. Ухожу. Прощайте, госпожа Ге.

Рязанов и Качиони вышли.

Ксения. (Молча проводила офицеров, потом горячо целует ребёнка). Доченька, родная! Как долго я не видала тебя. Целых восемь дней! И какие же они длинные эти дни... А ведь видимся мы в последний раз... В последний раз. Но вспоминать ты меня будешь? Конечно, будешь! Вспоминай нас с отцом. Мы сделали, что могли. Только ты знаешь что? Не будь доверчивой к врагам. (Встала, не отрывая взгляда смотрит на ребёнка). Ничего, те, что придут на смену нам, будут много твёрже, будут беспощаднее к врагам, под какой бы маской они ни прятались... Ух ты, позёвывает дочь. Хочешь спать? Ну спи, а я погляжу на тебя. (Укладывает ребёнка на кровать, баюкает его, тихо напевая наивную колыбельную песенку). Жарко? Подожди, я тебя раскутаю. (Раскутывает ребёнка). Что это? Записка! Вот почему Аня велела развернуть...

(Торопливо развернула записку. Загремел ключ в двери. Ксения смяла записку. В дверях Качиони).

Качиони. (Посмотрел на часы). Свидание окончено. Ребёнка приказано унести.

Ксения. Уже?

Качиони. Таков приказ полковника.

Ксения. Всё человеческое умерло — остались приказы. Вы, корнет, привели на казнь мать и вы же отнимаете у неё ребёнка.

У вас есть мать?

Качиони. Иначе я не могу поступить, даже если бы и захотел... (Зовёт). Анна! (Вошла Аня). Возьмите ребёнка.

Аня. Проститься-то толком не дали матери. Эх!

Качиони. Не разговаривай. Быстрее двигайся.

Аня. Надо же завернуть ребёнка. (Ксении). Хорошо завернут? Не простудится?

Ксения. Все в порядке, Аня.

Аня. То-то, чтобы потом претензий и жалоб не было.

Ксения. Подождите. (Поцеловала ребёнка и отвернулась).

Теперь идите.

Аня и Качиони вышли.

Ксения. (Повернулась к двери). Прощай дочь, прощай. Кажется, навсегда теперь... Нет, подожди, подожди... (Быстро развернула записку и, склонившись к свече, читает). «Немедленно бегите. Можно через окно. Часового на улице уберём. Вас ждут там, где вы были на свадьбе». Всё. Бежать. Бежать, чтобы жить. Жить, чтобы бороться. Чтобы держать своего ребёнка на руках... (Смотрит в окно). Высоко. Четвёртый этаж. А другого пути нет. Всё равно — лучше размокнуть голову о камни, чем быть повешенной. (Сняла с кровати простыню, разорвала её, связала в жгут, привязала к трубе центрального отопления, попробовала). Трещит — ненадёжно и коротко. Что ж делать? (Заглянула в окно). Здесь два шага по карнизу до водосточной трубы. Босиком по трубе. В крайнем случае... головой о камни. (Сняла туфли. потушила свечу. В комнате темно, только рассеянный голубоватый свет падает из окна. Открыла раму, встала на подоконник, взглянула вниз, вздрогнула и закрыла глаза рукой, но сразу овладела собой и смело шагнула на карниз за окном).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина шестая

Небольшая, низкая комната, чисто побеленная и очень скромно обставленная:

стол, несколько стульев, за ситцевой занавеской кровать, над столом висит керосиновая лампа. Окна плотно завешены. На сцене Родион и Марфа.

Родион. (Нервно ходит по комнате, курит). Скоро полночь, а её всё нет...

Марфа. Не нужно было отпускать. Один раз чудом спаслась...

Родион. Чудес на свете не бывает, тётка Марфа.

Марфа. Шутка ли — с четвёртого этажа по трубе спуститься! Да я бы ни в жисть... По всему городу ищут, 50 000 обещают, а ей хоть что. Обереглась бы — того гляди в облаву попадёт. Беляки вот как лютуют...

Родион. Не ворчи, тётка Марфа, и без того тошно. Кабы знать где она сейчас...

Условный стук в окно.

Марфа. Она! Наконец-то! (Вышла в сени).

Вошли Ксения и Чижов, потом Марфа.

Родион. Ксения Михайловна, где вы пропадали?

Ксения. Не волнуйся, Родион, всё в порядке! Хорошее дело сделали. Железнодорожники не подведут.

Чижов. Чуть, понимаешь ты, не втяпались. В депо на Минутку сам начальник контрразведки Рязанов налетел. Ребята Ксению Михайловну в паровозе спрятали. Он остановился около этого паровоза и лаетяся...

Ксения. До чего же хотелось мне стукнуть его чем-нибудь тяжёлым. Едва сдержалась...

Родион. Разве можно так! Зачем вам самой-то, Ксения Михайловна, идти на такое?..

Ксения. Не могу, Родион, понимаешь не могу, как крыса забиться под пол и сидеть. Не могу сейчас без дела. Сама никогда не думала, что столько злости во мне.

Родион. И всё же вам нужно скрыться.

Ксения. В Кисловодске меня хорошо знают... Придётся уходить. Уходить через фронт. Очень жаль, что нельзя с вами в боевой дружине остаться.

Чижов. Вы, Ксения Михайловна, за это не беспокойтесь — не будут беляки покою иметь.

Ксения. Верю, Ваня, верю, а хотелось бы самой... Большой у меня к ним счёт...

Чижов. Заплатят, Ксения Михайловна, за всё заплатят. Ну, мне пора идти до Сергея.

Ксения. Иди, Ваня. Не подведут железнодорожники?

Чижов. Зачем же — народ самостоятельный, действовать привыкли по расписанию...

Ксения. Скажи товарищу Сергею, чтобы завтра листовку обязательно размножил. Если успею, напишу сегодня ещё одну.

Чижов. Понятно.

Условный стук в окно.

Марфа. Кто ж это? Не иначе, как Анна.

Чижов. Я пошёл. (Вышел вместе с Марфой).

Ксения. (Всё внимание устремила к двери). Вдруг принесла Виту? Вдруг принесла...

Вошла Аня.

Ксения. А Вита? Не принесли дочку?

Аня. Нет никакой возможности вынести: всё время следят. Днём погулять с ней не дают...

Ксения. Проклятые! Дочь вместо приманки: ждут, что не выдержу — сама приду. Мерзавцы!

Аня. Для вас записка, Ксения Михайловна. Вот. (Подала записку).

Ксения. От кого? (Читает записку).

Аня. (Обняла Родиона, тихо). Волнуюсь за тебя...

Родион. А я за тебя, Аня...

Аня. Вот ещё! Чего ж за меня-то волноваться?

Ксения. Из Пятигорска. Анджиевский остался в подполье. Это хорошо. С ним нужна постоянная связь. Без связи не проживёшь, а её нам не хватало. С Григорием я сама должна увидеться...

Аня. До Пятигорска сейчас добраться — ох, трудно.

Родион. В поезде вам никак нельзя...

Ксения. До Пятигорска не так далеко — обойдёмся без поезда. Спасибо, Аня, за добрые вести. Откуда записка?

Аня. Передали от Сергея. На словах сказали: в Пятигорске Сенная улица, сапожник Климов, «Хочу заказать летние туфли», ответ: «Нет подошвы».

Ксения. Сенная улица, сапожник Климов, «Хочу заказать летние туфли». Запомнила... Не задерживайтесь, Аня, вас могут хватиться в гостинице. Идите.

Аня. Побегу. О Вите не беспокойтесь, Ксения Михайловна, она внизу, у истопника живёт. Ей там хорошо...

Ксения. Спасибо, Аня. Так бы хотелось увидеть дочь. Только взглянуть, поцеловать... Нельзя!.. Вся надежна на вас, Аня. (Поцеловала Аню).

Аня. Будьте спокойны. До свидания, Родион. (Ушла).

Ксения. Молодец она у тебя, Родион: в самом гнезде беяков живёт и не робеет. Молодец! Так узнаются люди... Что ж, надо думать, как пробраться в Пятигорск...

Родион. После базара на попутной подводе до Эссентуков...

Ксения. Придётся так...

Родион. Вы бы отдохнули, Ксения Михайловна. С тех пор, как бежали, вы, кажется, совсем не спали...

Ксения. Нет, Родион, дольше — с тех пор, как увидела Александра в поле...

Родион. Понимаю... А отдохнуть всё равно надо...

Ксения. Не хочу. Не могу... Ты, Родион, не представляешь, что такое для меня Александр. Можно любить мужа, друга, мать, отца. Но если сложить всё это в одно, то и того будет мало, страшно мало, чтобы передать моё чувство к нему. Он был для меня всей жизнью! Что я видела: воспитание в пансионе, мужа офицера, как все армейские служаки не лучше и не хуже других, нудное благополучие провинциальной военщины. Тяжело было дышать, существовать, не жить, а существовать в этой плесени. И вот пришёл Александр. С ним я ушла в другую жизнь, полную лишений и борьбы. Но это была настоящая жизнь, когда дышешь полной грудью. Благодаря ему я встречала, я слушала Ленина. Тогда я окончательно убедилась, что иной жизни у меня нет и не может быть... Они убили Александра. Там в степи в первый момент мне показалось, что кончилось всё, что жить дальше не к чему. Потом, сидя в комнате, где провёл последние часы он, я поняла, что Александр не простил бы мне бессмысленной смерти, как не простил бы предательства... Мне тяжело уходить из Кисловодска — я словно бросаю Александра. Разумом понимаю, а сердца не оторвёшь...

Родион. Вы ещё вернётесь сюда, Ксения Михайловна.

Ксения. Да... Но о смерти Александра, о зверствах белых должен знать народ сейчас. Непременно сейчас. Дай мне бумагу и карандаш. (Родион подал бумагу, сел в стороне, закурил). Дай и мне закурить. (Закурила. Быстро пишет).

Вдалеке сильный взрыв. Вслед за ним беспорядочная стрельба.

Родион. Что это? На железной дороге?

Ксения. (Встала). Да. Молодцы железнодорожники! Остались беяки без горючего.

Вошла Марфа.

Марфа. Что там делается! На станции чего-то пылает, аж здесь светло.

Ксения. (Приоткрыла занавеску на окне, в комнату ворвался багровый свет пожара). Пылает! Нефтяные баки горят...

Марфа. Наши подожгли?

Ксения. Взорвали. Нет, господа офицеры, здесь вы не дома! Стреляют! Пускай стараются — наших там уже никого нет...

Родион. Закройте окно, Ксения Михайловна.
Марфа. Беляки теперь с ума сойдут. Замают облавами.
Родион. Задерживаться здесь дальше вам, Ксения Михайловна, нельзя.
Ксения. Нельзя. Что ж ночью легче всего выбраться из города.
Родион. Сейчас не найдёшь подводы.
Ксения. Пойду пешком. Завтра доберусь до Эссентуков, а там и до Пятигорска недалеко. Разыщу Анджиевского... Важно выбраться на дорогу...
Родион. Через мост нельзя.
Марфа. От Минутки надо влево, в горы держать.
Родион. Я провожу вас до Эссентуков.
Ксения. Нет, Родион, у тебя своё дело. Да одной и легче проскочить. Ты тоже не задерживайся — собирай людей и в горы, чтобы беляки дня спокойного не имели. В городе товарищи уже начали действовать.
Родион. Ясно... Страшно вам одной будет...
Ксения. Всё страшное я уже пережила... Страшнее ничего не будет. Об одном прошу: позаботьтесь о Виктории.
Родион. Об этом не думайте: вырвем её и в надёжном месте спрячем.
Марфа. Сбережём дочку, Ксения Михайловна...

Сильный стук в наружную дверь.

Марфа. Чужие...
Родион. (Выглянул в щель занавески на окне). Облава...
Марфа. Принесла нелёгкая иродов.

Стук в двери.

Ксения. Родион, ложись.

Родион ложится на кровать. Ксения задёргивает занавеску и остаётся за ней. Настойчивый стук в двери.

Марфа. (Открыла первую дверь). Кто там? (За дверью громкие голоса). Да кто вы будете? (В дверь ломятся). Сейчас, сейчас открою. Марфа вышла в сени, открыла наружную дверь. Вбежал унтер-офицер, выскочил на середину комнаты, огляделся кругом. Не спеша вошёл солдат и с равнодушным видом остановился у дверей.

Унтер. Кто здесь проживает?

Марфа. Мы, родимый. Мы проживаем.

Унтер. Почему сразу не открыла?

Марфа. Кто ж вас знает, что вы за народ. А может вы грабители. Сейчас их столько развелось!

Унтер. Дура! А почему табаком пахнет? Кто курил?

Марфа. Никто не курил...

Унтер. Никто?... (Огляделся вокруг, поднял револьвер, подкрался к занавеске и рывком открывает её. На кровати лежит Родион до подбородка укрытый одеялом, на лбу у него компресс.

Рядом на табурете сидит Ксения в белом халате и в косынке с красным крестом. Она надела очки и узнать её трудно).

Унтер. Кто такие?

Марфа. Сынок мой. Сынок. Больной он. Пятый день не в себе мается.

Унтер. Что за болезнь?

Ксения. Сыпной тиф.

Унтер. А ты кто?

Ксения. Сестра милосердия из больницы.

Унтер. Милосердная сестра... Так... А это что? (Взял бумагу, оставленную Ксенией на столе. Поднёс близко к лампе, читает по складам). «Товарищи! Жители Кисловодска! Белые бандиты...»

Белые бандиты... Это про кого же? А? Кто писал? Он писал? Вот сейчас мы посмотрим какой у него тиф...

Ксения. Не смейте беспокоить больного.

Унтер. Я тебя побеспокою!.. (Подошёл к дверям и дал пронзительный свисток. Через минуту вошёл Качиони).

Качиони. В чём дело?

Унтер. Так что разрешите доложить, ваше благородие: в хате одни бабы и больной, а накурено. Потом вот тут на столе бумага была...

Качиони. (Не глядя взял бумагу). Чем болен?

Ксения. (Не поворачиваясь к Качиони лицом, меняет компресс на голове Родиона). Сыпной тиф. Состояние тяжёлое.

Качиони. Почему с тифом лежит дома? Может быть, вы повернётесь ко мне?

Ксения. (Повернулась к Качиони и встретилась с ним глазами, говорит спокойно). Утром отвезём в больницу — ночью запрещено выходить из дома.

Качиони. Кто вы?

Ксения. Сестра милосердия.

Качиони. Документы... (Ксения подала бумажку, Качиони медленно прочитал). Сестра милосердия Брагина Анна Яковлевна... Так... (Напряжённая пауза. Качиони пробежал бумагу, поданную ему унтером). Сестра милосердия... (Смял и отбросил бумагу. Рука потянулась к раскрытой кобуре. Задержал руку. Рывком застегнул кабуру). Я не хочу на этот раз... беспокоить больного... (Унтеру). Ты что — заразиться хочешь? Видишь тифом болен. Пошёл вон, болван!

Унтер. Слушаюсь! (Унтер и солдат вышли).

Качиони. (Протянул Ксении удостоверение). Возьмите. (Откозырял и вышел).

Марфа. Батюшки, что ж это такое... (Без сил опустилась на табурет).

Ксения. (Сняла очки). Конечно, узнал...

Родион. (Сел на кровати). Что же это получается, Ксения Михайловна?

Ксения. Это получается, Родион...

Дверь распахнулась, на пороге Качиони.

Качиони. Имейте в виду: облавы будут проводиться всю ночь. Говорят — в этом районе скрывается бежавшая Ксения Ге.

Приказано задержать непременно. (Козырнул, вышел, оставив дверь открытой).

Ксения. Это получается, Родион, что уходить надо, не медля... (Подошла к двери, чтобы закрыть её и остановилась в дверях, освещённая пожаром). Горит... Горит земля под ногами белых...

Родион. Ещё сильнее разгорится... (Поднял бумагу, брошенную Качиони, расправил, читает). «Товарищи! Жители Кисловодска! Белые бандиты в неистовой злобе уничтожают лучших людей. Восьмого января они вывезли за город тяжело больного Александра Юльевича Ге и без всякого суда изрубили его шашками. Пролилась кровь честного, пламенного революционера, отдавшего жизнь за свой народ... Не дописано... Ничего, мы допишем. Вашей кровью, гады, допишем...

Занавес.

Картина седьмая

Уютное жилище курортного врача. Мягкая мебель в белых чехлах. Приятный зеленоватый свет от лампы под большим шёлковым абажуром. Рояль тоже под белым чехлом. Мария Владимировна играет на рояле «Песню без слов» Мендельсона. За шахматным столиком Фиалочкин и Фешин. Фиалочкин дома, он в халате и ермолке с кисточкой. Покой и тишина, словно нет ни революции, ни войны.

Фиалочкин. (Делает ход). Вашему королю шах, коллега.

Фешин. Да, это, доложу я вам, случай. Тяжёлый случай.

(Делает ход). Ну те-с...

Фиалочкин. Не страшно, не страшно! Вот вам в ответ.

(Ходит).

Фешин. Так... Угу... Тут требуется подумать. Seriously подумать.

Фиалочкин. (Откинулся на спинку кресла, закурил). И вот сидим мы с вами, дорогой Михаил Васильевич, так спокойно вечерком за шахматами, а что делается кругом?

Фешин. Революция и больше ничего.

Фиалочкин. Хорошенькое дело — ничего! Меня очень интересует, что мы с вами будем делать летом.

Фешин. Больных лечить.

Фиалочкин. Ну едва ли у нас будут пациенты. Не думаю, чтоб нашёлся сумасшедший, пожелавший за тысячу вёрст тащиться на крыше теплушки в Ессентуки — пить целебную водичку и слушать советы доктора Фиалочкина.

Фешин. Успокойтесь, я уверен, что к лету всё уляжется, и наши больные опять вспомнят о своих желудках и печени...

Фиалочкин. Не верится что-то...

Фешин. Белые не могут быть долговечными. Я, как врач, вижу: эта злокачественная опухоль, и она находится в состоянии активного распада...

Фиалочкин. И вы хотите сказать, что всё спасение в красных? Боюсь, что красные всех больных, за счёт которых мы с вами существуем, отправят в подвалы Чека.

Фешин. О подвалах Чека говорят чепуху, вы это прекрасно знаете. Зато белые не стесняются. Вы слышали, что Ксению Михайловну Ге приговорили к повешению? К публичному повешению!

Фиалочкин. Однако она убежала. За её поимку обещано 50 000 рублей.

Фешин. (Возмущённо вскочил). Какой цинизм! Какой мерзкий, откровенный цинизм! Публичное повешение! 50 000 за голову! Это чёрт знает, что такое... Воля ваша, но я старый, потомственный интеллигент вижу в этом только окончательное разложение, а, следовательно, и близкий конец белых...

Фиалочкин. Браво, Михаил Васильевич, браво! Вы совсем большевиком стали.

Фешин. (Сел к шахматам). Нет. Но в действиях красных больше логики. Они не сделали мне ничего худого, хотя я, в своё время, ставил клистир самому великому князю, страдающему с похмелья. Зато белые вспомнили мне, что я, как врач, помогал чахоточному Ге. И я вынужден был срочно исчезнуть из Кисловодска и искать гостеприимства у вас, коллега.

Фиалочкин. Я не интересуюсь политикой, белыми, красными. У меня хорошая практика, уютный домик, семья. Через год, два я смогу открыть собственный, свой, мне, только мне принадлежащий пансион. На нём так и будет написано: «Пансион «Уют» доктора Л. Ф. Фиалочкин а». На всё остальное мне плевать.

Фешин. Не разделяю ваших взглядов, коллега. Да-с, не разделяю. Ваш ход, прошу.

Фиалочкин. Ах, да, да. Пожалуйста: вот так. (Ходит). Непокойная жизнь. Все неопределённо, всё волнует. (Обращается к жене). Машенька, сыграй, пожалуйста, «Баркаролу» Чайковского. Она замечательно успокаивает.

Мария Владимировна. Хорошо... (Играет).

Фиалочкин. (Покачивает в такт музыке головой). Хорошо.

Божественная музыка. Вот сидим мы, культурные люди, мы не буржуазия, не эксплуататоры, мы имеем право при любой власти сидеть в уютной комнате, наслаждаться покоем, слушать Чайковского, никто не смеет у нас отнять этого и вдруг...

Фешин. Вам мат, коллега.

Фиалочкин. Да-с, это несправедливо...

Фешин. Так или иначе, а мат.

Фиалочкин. Действительно, мат. Но я не о шахматах — о жизни.

Фешин. Это всё равно.. (Встал). И всё же я глубоко уважаю эту женщину. И её покойного мужа уважаю. Это хорошие, убеждённые в своей правоте люди.

Мария Владимировна. (Поднялась из-за рояля). Я согласна с вами, Михаил Васильевич. Сердцем чувствую, что они прекрасные люди. Только при их помощи нам удалось поставить на ноги Вову, когда он заболел дифтеритом. Ведь правда, Михаил Васильевич?

Фиалочкин. (Раздражённо). Ты судишь по-женски: если они сделали что-то для твоего детища, ты готова боготворить этих людей.

Мария Владимировна. Не знаю, насколько верно то, что говорят о них. Я не в праве судить о том, что выше моего понимания.

Фешин. Они говорят, что расстрелы — это необходимость. Белые ничего не говорят, когда публично вешают лучших представителей нации.

За сценой несколько выстрелов, топот лошадиных копыт.

Фиалочкин. Что это.

Фешин. Опять облава...

Фиалочкин. Беспокойная жизнь.

Мария Владимировна. Вам, Михаил Васильевич, лучше пройти в мезонин. Я вас провожу. (Зажигает свечку).

Фешин. Да, да, вы правы.

Фиалочкин. Спокойной ночи, коллега.

Фешин. Благодарствую. (В сопровождении Марии Владимировны ушёл).

Фиалочкин. (Сел в кресло, запахнул халат). Санаторий «Уют». Хорошо звучит — «Уют» Л. Ф. Фиалочкина... А 50 000 — это сумма. (Фальшиво напевает):

Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, тёмноглубые?..
Сумма хорошая... И кто-нибудь её получит. Обязательно получит...
И о чём грустите вы в день весёлый мая,
Средь некошенной травы, головой качая?

Вошла Мария Владимировна.

Мария Владимировна. Опять ветер и мокрый снег. (Кутается в платок). Холодно! А в Кисловодске, наверное, хорошая погода. Там всегда погода лучше, чем в Ессентуках...

Фиалочкин. В Кисловодске хорошая погода... Хорошая погода... Хотя рубль и упал, но 50 000 всё же очень большая сумма.

Мария Владимировна. Не могу подумать, что отыщется такое чудовище, которое прикоснется к этим деньгам.

Фиалочкин. А, деньги не пахнут.

Мария Владимировна. Лука, это цинизм!

Фиалочкин. (Вскочил). Не слишком ли много, сударыня, вы берёте на себя? То ты становишься на защиту этой комиссарши, забывая, что сейчас это совсем не своевременно. Теперь ты упрекаешь меня, своего мужа, в цинизме... (За окном несколько выстрелов, топот копыт, удаляющиеся свистки). Под окнами стреляют. Боже мой, что же это будет? Когда же наступит тишина и покой? (Негромкий, нерешительный стук в окно). Стучат? К нам стучат. Скорее туши лампу и молчи. (Бросился к лампе, но Мария Владимировна остановила его).

Мария Владимировна. Подожди, надо посмотреть, кто там.

Фиалочкин. Это уж ты смотри, ты, если есть охота, а я слуга покорный.

Мария Владимировна. Хорошо, я посмотрю. (Вышла).

Фиалочкин выглядывает из-за портреты в прихожую. Потом отступает на цыпочках, машинально пытается перекреститься. В дверях Ксения Ге, за ней Мария Владимировна.

Мария Владимировна. Она говорит, что нужен ты и неотложно.

Фиалочкин. Вы... Вы... Как вы сюда попали?

Ксения. Я бежала. Пешком иду из Кисловодска. Устала смертельно. Зашла на вокзал и чуть не попала в облаву. На улице патрули. Вынуждена ворваться к вам, единственному знакомому в Эссентуках. Другого выхода не было. Не прогоните?

Фиалочкин. Что вы!.. Я очень... Я рад... Познакомьтесь:
моя жена Мария Владимировна.

Ксения. Здравствуйте. (Протянула руку Марии Владимировне). Ксения Михайловна.

Мария Владимировна. Вы... Вы Ге?

Ксения. Да, я Ксения Ге.

Мария Владимировна. Я очень рада. Усаживайтесь вот сюда. Отдохните. Чувствуйте себя здесь совершенно спокойно. Погода такая мерзкая. Я сейчас согрею чай...

Ксения. Спасибо, не беспокойтесь. Хотя откровенно сказать, стакан крепкого, горячего чаю выпила бы с наслаждением.

Мария Владимировна. Сейчас, сейчас... (Ушла).

Ксения. Вы не волнуйтесь, доктор, я не задержусь у вас.

Фиалочкин. Что вы, что вы! Оставайтесь... Я так рад...

Ксения. Нет, оставаться нельзя. Нельзя задерживаться ни минуты — ищут и здесь. Им так хочется меня повесить, что даже премию за мою голову назначили 50 000! (В упор смотрит на доктора). А вдруг найдётся такой человек, что польстится на эти деньги. Доктор, верите вы, что среди людей может найтись и такой?

Фиалочкин. Нет, нет. Как можно! Нет...

Ксения. Всего страшнее разочаровываться в людях... Но всё равно задерживаться нельзя. Немедленно бежать...

Фиалочкин. (Оживившись). Да, да, это будет лучше.

Ксения. (С сомнением взглянула на него). Вы думаете?

Впрочем, я так же считаю... (Пауза). Вы давно живёте в Эссентуках — у вас, вероятно, здесь много знакомых.

Фиалочкин. О да! У меня большая практика и знакомых много.

Ксения. Наверное, есть и такие, что имеют лошадей.

Фиалочкин. Лошадей? Каких лошадей?

Ксения. Самых обыкновенных. Есть у вас знакомые извозчики или подводчики?

Фиалочкин. Так вам нужна подвода?

Ксения. Подвода и немедленно. Я не в силах дальше идти пешком, а задерживаться нельзя ни минуты. В ваших интересах, доктор, отправить меня скорее.

Фиалочкин. Да, да, конечно...

Ксения. Помогите мне найти подводу, чтобы добраться до Пятигорска.
Фиалочкин. Подводчика сейчас трудно найти: времяопасное... Очень трудно...
Впрочем... У меня есть один знакомый.
Я думаю... (Посмотрел на Ксению). Можно будет...

Ксения. Вот и хорошо. Вы уж потрудитесь сейчас, немедленно сходить к нему.
Заплатите сколько спросит. Вот деньги. (Подала деньги).

Фиалочкин. Да, да, конечно... (Засуетился, остановился в нерешительности, поглядел на Ксению). Конечно, это самое лучшее... Хотя очень рискованно... Но для вас... Для вас я сделаю всё. (Суетливо собирается).

Ксения. (Устало). Очень хорошо. Благодарю вас, доктор.

Мария Владимировна. (Вошла со стаканом чая на подносе). Выпейте, Ксения Михайловна, согрейтесь.

Ксения. Спасибо. С наслаждением выпью...

Мария Владимировна. (Мужу). Куда это ты собрался?

Фиалочкин. Я тут... Я недалеко. За подводой. (Ушёл).

Мария Владимировна. За какой подводой? Куда он среди ночи пошёл?

Ксения. Я просила его отыскать мне подводу.

Мария Владимировна. Куда вы, Ксения Михайловна, спешите? Побыли бы у нас день, два, отдохнули бы. Здесь вам будет спокойно и безопасно.

Ксения. (Борясь с усталостью). Нет, нельзя. И вас могу подвести, и самой хочется скорее вырваться к своим. Вот только сейчас, сидя у вас в покойном кресле, в тихой уютной комнате, начинаешь понимать всё то, что пришлось перенести за последние дни. Ребёнка я бросила на произвол судьбы и не знаю, что с ним сейчас. Мужа растерзали...

Мария Владимировна. Мы слышали о товарище Ге...

Ксения. Он болел, не успел уйти во-время и попал им з руки.

Мария Владимировна. Как это ужасно!

Ксения. Тогда я жила в постоянной тревоге: сама ждала с минуты на минуту ареста, волновалась за ребёнка, не знала, что с Александром, кроме того, что он в руках белых. Как-то вечером мне передали, что Александра на тачанке повезли к вокзалу. Я побежала туда, но на вокзале его не было. Какой-то старичок сказал, что недавно проехала тачанка в степь, по сторонам её скакали три шкуровца и офицер. Я бросилась следом. И я увидела его... Куски его труп. Они изрубили его и бросили там, в холодном пустом поле... (Опустила голову на руки).

Мария Владимировна. (Подошла к ней и с материнской нежностью гладит по волосам). Не расстраивайтесь. Вам сейчас надо очень много сил...

Ксения. Да, силы нужны. На малодушие я не имею права. (Вытерла глаза). Я почти не помню, что произошло в ту ночь и проклиная себя за слабость, которая отдала меня в их руки. Но мне помогли бежать. В Кисловодске нельзя было оставаться и вот я у вас: мне некуда было больше зайти.

Мария Владимировна. И очень хорошо, что зашли к нам.

Ксения. Я рада, что не ошиблась в вас. Самое тяжёлое в жизни — ошибаться в людях... Ох, как же я устала...

Мария Владимировна. Пока Лука ходит, прилягте на диване.

Ксения. Нет, этого нельзя. (Встала, прошлась.). Сейчас нельзя отдыхать... Нельзя... (Остановилась около рояля). Как давно я не садилась за рояль... Александр любил «Эгмонта». (Села за рояль. Играет. Мужественно и скорбно звучит музыка. Замерев в неудобной позе, боясь пошевелиться, слушает Мария Владимировна).

В комнату вбежал Фешин.

Фешин. Ксения Михайловна, немедленно бегите!

Ксения. Михаил Васильевич! Откуда вы здесь?
Фешин. Не мешкайте, скрывайтесь: на улице и во дворе солдаты.
Ксения (Марии Владимировне). Где чёрный ход? (Бросилась к двери и сейчас же возвратилась). Там солдаты.
Фешин. Зачем вы зашли в этот дом!
Ксения. (Огляделась кругом, бросилась к окну, распахнула штору). Идите сюда, Михаил Васильевич, вас не должны видеть...
(Втолкнула Фешина в оконную нишу и закрыла шторой).

В дверях Качиони и два солдата. Позади осторожно выглядывает Фиалочкин.

Качиони. Госпожа Ге... Не пытайтесь бежать в окно — дом оцеплен. Судьба против вас.

Ксения. Вам очень везёт, юноша. Ваша карьера обеспечена.

Качиони. Прошу собираться немедленно.

Ксения. (Одевается). К чему спешить?

Качиони. К утру вы должны быть в Кисловодске.

Ксения. Чтобы болтаться на виселице? В этом случае нет большого смысла торопиться.

Мария Владимировна. Господи, какой кошмар! Лука, это в твоём доме... Почему ты молчишь?

Фешин. (Показался из-за портьеры). Что он может сказать?

Что может сказать Иуда, польстившийся на тридцать сребренников?

Ксения. Зачем вы, Михаил Васильевич?..

Фешин. Не могу! Я не могу не сказать ему, что он подлец!

Нет, не думайте, что весь мир превратился в фиалочкиных и безусых палачей. (Показал на Качиони).

Качиони. Молчать! Соучастник? Большевик? Я вас арестую!

Фешин. И повесите? За честь сочту разделить участь Ксении Михайловны.

Качиони. (Фиалочкину). Почему он у вас?

Фиалочкин. Я не виноват... Я не знал, что он здесь. Они вместе пришли...

Качиони. Мразь! (Ксении и Фешину). Идите!

Ксения. Хозяев за гостеприимство можно не благодарить.

Ксения, Фешин, Качиони и солдаты ушли.

Фиалочкин. (Мелко крестится). Слава богу! Слава богу!

Мария Владимировна. Ты... Ты чудовище (Бьёт его по лицу). Мерзавец!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Картина восьмая.

Кабинет коменданта Кисловодска. На столе горит лампа. Сквозь закрытые шторы пробивается рассвет. За столом дремлет полковник Бруснев.

Вошёл Сладковский.

Сладковский. Корней Ильич!

Бруснев. А? Привезли?

Сладковский. Нет ещё.

Бруснев. Почему они там взяты? Вторая ночь без сна.
На это никаких человеческих сил не хватит. (Позёвывает).

Сладковский. Что прикажете делать с ребёнком?

Бруснев. С каким ребёнком?

Сладковский. С дочерью Ге.

Бруснев. Ну и что же ещё с ним делать?

Сладковский. Начальник контрразведки полковник Рязанов находит, что оставлять этого ребёнка нельзя...

Бруснев. Как нельзя?

Сладковский. Он считает... Ребёнка надо уничтожить.

Вошёл полковник Рязанов.

Бруснев. Как уничтожить?

Рязанов. Уничтожить ребёнка, господин комендант, проще простого.

Бруснев. Зачем вам это понадобилось?

Рязанов. Мне это не нужно, скорее — вам. Из этого щенка ничего, кроме большевика, не вырастет. Да и кому он нужен?

Бруснев. Нет, нет, полковник, я не хочу такой грех принять на душу.

Рязанов. (Насмешливо). Вы боитесь греха?

Бруснев. Да, не желаю брать на душу ещё одного греха.

Рязанов. Их у вас и так достаточно?

Бруснев. Я нахожу ваш тон, полковник, неуместным. Мои грехи осудит бог, а не контрразведка.

Рязанов. До бога высоко. А грехов у нас у всех достаточно: на грешной земле живём.

Бруснев. По-разному-с живём: одни чины годами выслуживают, а другие...

Рязанов. ... за дела получают. Заслуги не годами измеряются.

Бруснев. А количеством пролитой крови?

Рязанов. Крови? Вы собрались победить большевиков добрым словом? Простите, но не верю в филантропию.

Бруснев. Во что же вы верите, полковник?

Рязанов. Ни во что! Не верю в колокольный звон Кремля; не верю в белого коня, на котором генерал Деникин въедет в Москву. Я вижу: моя Россия треснула безнадёжно, а другой мне не надо.

Бруснев. С такими мыслями нельзя жить.

Рязанов. Возможно, жить нельзя... Но мстить за это можно? Мстить за то, что жизнь изломана, можно? Жестоко мстить...

Вы, даже вы, полковник, обвиняете меня в жестокости. Не протестуйте — я это знаю. Так знайте:— я буду ещё беспощаднее. Я не буду разбираться, мужчина это или женщина, ребёнок или старик. Буду вешать, стрелять, давить собственными руками, вырезать ремни из спины, выкручивать суставы...

Бруснев. Вы страшный человек...

Рязанов. Вполне допускаю. (Вынул пузырёк, насыпал белый порошок на руку, жадно втянул в нос). Счастье этой Ге, что она попала к вам и вам пришла фантазия разыграть комедию с судом и публичным повешением. Будь она у меня... А впрочем, и без неё хватает... (Вышел).

Бруснев. Боже, какое чудовище! Я не желал бы попасть в его руки. Шкуро любит таких... Он его и полковником сделал...

Положим, и сам Шкуро генерал наспех: когда я получил полковника, он был всего ротмистром и то потом разжаловали. А теперь генерал, видный человек... (Спохватился). Это я для себя, это не для вас, прапорщик.

Сладковский. Понимаю, Корней Ильич.

Бруснев. Вы умный юноша и можете пойти далеко... Почему же так долго её не везут?
Сладковский. Вероятно, задержка в пути. Час назад из Эссентуков сообщили, что паровоз с корнетом Качиони и арестованной Ге вышел.
Бруснев. Не могла же она по дороге опять убежать.
Сладковский. Охрана надёжная...
Бруснев. Сколько времени?
Сладковский. Семь часов тридцать минут.
Бруснев. Уже?
Сладковский. Может быть, прикажете перенести казнь на завтра?
Бруснев. Нет, нет, надо скорее кончать с этим хлопотливым делом. Она такая, что опять убежать может. Нет, откладывать не будем: с Ге надо кончать немедленно. Её повесить, а ребёночка... ребёночек пускай остаётся.
Сладковский. Слушаюсь.
Бруснев. Там всё готово?
Сладковский. Так точно!
Бруснев. Прекрасно, голубчик. А кто её... Кто приведёт приговор в исполнение?
Сладковский. Унтер-офицер Бобрик. Сам вызвался.
Бруснев. Бобрик? Какой Бобрик?
Сладковский. Он дожидается здесь. Прикажете позвать?
Бруснев. Ну, что же давайте.
Сладковский. (Открыл дверь). Бобрик, сюда!

Вошёл Бобрик.

Бобрик. Здравия желаю, ваше высокоблагородие!
Бруснев. Здравствуй, голубчик. Кажется, я где-то тебя видел...
Бобрик. Так точно! Это когда вы, ваше высокоблагородие...
Бруснев. Понятно, понятно. Так ты сам вызвался?
Бобрик. Так точно! Всегда готов служить царю и престолу.
А эту комиссаршу удавить — с полным удовольствием.
Бруснев. Молодец, братец! За верную службу представлю к награде.
Бобрик. Рад стараться, ваше высокоблагородие! Только для твёрдости руки надо бы... (Щелкнул себя по горлу).
Бруснев. Понятно. Прапорщик, распорядитесь.

Вошёл Качиони.

Качиони. Разрешите, господин полковник?
Бруснев. А, наконец-то! Заходите, корнет.
Качиони. Арестованная Ге доставлена.
Бруснев. Слава богу! Как вы её поймали?
Качиони. Вчера я выехал в Эссентуки. Вечером мы с комендантом города намечали план облав и усиленного патрулирования дорог. В этот момент в комендатуру прибежал местный врач Фиалочкин и сообщил, что Ге находится у него.
Бруснев. Фиалочкин? Знаю, знаю. Достойный человек. И вы схватили её?
Качиони. Да, я вторично арестовал её.
Бруснев. Да, да, вы дважды поймали её. Такие заслуги не забываются: представлю вас к награде первым офицерским орденом.
Качиони. Не считаю себя достойным награды.
Бруснев. Знаю, знаю вашу скромность.
Качиони. При аресте Ге, там же мной задержан и доставлен сюда доктор Фешин.

Бруснев. Фешин? Очень хорошо. Неприятный субъект, большевистский приверженец...

Качиони. Куда прикажете доставить арестованную?

Бруснев. Сюда. Только сюда. И будьте около неё до самого конца. Её охрану я могу поручить только вам, иначе она опять убежит.

Качиони. Слушаюсь. (Вышел).

Бруснев. Ну и слава богу, всё кончается благополучно...

Вошли Ксения и Фешин в сопровождении Качиони и солдата.

Бруснев. Добро пожаловать, госпожа Ге.

Ксения. Опять вы?

Бруснев. Что делать, голубушка, не все встречи бывают взаимно приятными. На себе испытал-с в этом самом кабинете.

Но добродетель, так сказать, всегда торжествует. Корнет, арестованная будет находиться здесь. Не отходите от неё ни на шаг.

Качиони. Слушаюсь.

Бруснев. А этого субъекта... (небрежно кивнул в сторону Фешина). Пока в подвал.

Фешин. Я настаиваю...

Бруснев. Нас это не интересует. (Сладковскому). В подвал! (Вышел).

Сладковский. (Солдату). Отведи в подвал, сдай коменданту!

(Фешин низко, в пояс поклонился Ксении, поцеловал ей руку.

Она поцеловала его в голову и на какой-то момент спрятала лицо в его седых волосах. Выпрямилась, всё та же твёрдая, непоколебимая. Фешин в сопровождении солдата вышел).

Бобрик. А меня, комиссарша, помнишь?

Ксения. Что это? Бобрик?

Бобрик. Он самый.

Ксения. Как ты сюда попал?

Бобрик. Так и попал. Чтоб с тобой рассчитаться. Верёвку я для тебя добрую приготовил — довольна будешь.

Сладковский. Пошёл вон!

Бобрик. Слушаюсь! (Вышел).

Сладковский. Корнет, поскольку охрана арестованной на вас, я иду позаботиться об остальном.

Ксения. Когда же вы собираетесь меня вешать?

Сладковский. В восемь часов, сударыня. (Вышел).

Ксения. Сколько времени?

Качиони. (Посмотрел на часы). Без двадцати восемь.

Ксения. Всего двадцать минут... Корнет, откройте шторы.

(Качиони колеблется). Не бойтесь — один номер дважды не удаётся.

Качиони. Пожалуйста. (Открыл шторы и в комнату ворвались яркие лучи утреннего солнца).

Ксения. (Подошла к окну). Какой яркий солнечный день. Весь город залит солнцем. Даже не верится, что такой день может быть последним днём жизни...

Качиони. А между тем это так.

Ксения. Что это? Что там, на Солнечной горке?

Качиони. Виселица.

Ксения. Для меня?

Качиони. (Тихо). Да...

Ксения. Дайте закурить.

Качиони. (Протянул портсигар). Пожалуйста... Вам не страшно?

Ксения. Чего?

Качиони. Смерти.

Ксения. Нет... Не то слово... Не хочется умирать...

Качиони. Вы молоды... Красивы... Вы необыкновенная женщина!

Ксения. Может, вы, корнет, объяснитесь мне в любви? Как раз во-время...

Качиони. Не смейтесь! Я не понимаю, что происходит. Я видел только войну, встречался в жизни только с забулдыгами офицерами и бессловесными солдатами. И вдруг являетесь вы такая... Такая необычная...

Ксения. И вы дважды приводите меня на смерть.

Качиони. Я не знаю, как это случилось. Фатум! Мистическая ирония. Мне трагически везёт. Я не захотел узнать вас тогда и совсем не думал, что увижу в Ессентуках. Но вас выдали прямо мне в руки. Оставалось только выполнить свой долг. Но... Я проклиная себя за это...

Ксения. Проклинаете?

Качиони. Сделанное готов искупить жизнью.

Ксения. Не играйте фразами.

Качиони. Это не фраза. Меня ничто не держит в жизни.

Какое мне дело до большевиков, до политики, до всего, что происходит? А вы... Вашей смерти я не прощу себе...

Ксения. Это правда?... Тогда помогите мне.

Качиони. Чем?

Ксения. Вы... Вы не плохой юноша... (Подожла и провела рукой по его волосам). У вас ещё сохранилась человеческая душа...

Качиони. Чем я могу помочь вам?

Ксения. (Глядя ему в глаза). Помогите мне бежать.

Качиони. Бежать?!

Ксения. Исправьте сделанное вами.

Качиони. Исправить? Но как?..

Ксения. Как? Надо подумать... (Прошлась по комнате).

Надо подумать. Нет положения, из которого не было бы выхода...

Пока человек жив он не имеет права сдаваться...

Качиони. Вокруг охрана. Осталось несколько минут. Сейчас сюда придут...

Ксения. И всё же выход должен быть... Ну, что же, когда другого нет... Выньте револьвер.

Качиони. Зачем?

Ксения. Выньте револьвер и ведите меня в коридор на чёрную лестницу...

Качиони. А дальше?

Ксения. Дальше будет видно. Я знаю здесь каждый уголок...

Посмотрите, что в коридоре.

Качиони идёт к дверям. Навстречу ему входят полковники Бруснев и Рязанов, позади Сладковский.

Бруснев. Госпожа Ге, военным судом добрармии вы приговорены к смертной казни через повешение. Сегодня, 19 января в восемь часов приговор будет приведён в исполнение публично...

Качиони. Опоздали...

Бруснев. (Сладковскому). Сколько времени?

Сладковский. Восемь часов, восемь минут.

Ксения. Ваши часы отстают, корнет.

Бруснев. Ничего, собравшиеся посмотреть на вашу казнь, простят нам небольшое опоздание, вызванное чрезвычайными обстоятельствами.

Рязанов. Госпожа Ге, если пожелает, может ещё отсрочить казнь. А может быть, и совсем избежать её... (Пытливо смотрит на Ксению). Мы не требуем многого... (Ксения отрицательно качает головой). Тем хуже для вас.

Бруснев. Может быть, у вас есть последнее желание?

Ксения. Нет... Впрочем, дайте закурить. (Качиони подал портсигар. Ксения закурила).

Бруснев. (Сладковскому). Конвой готов?

Сладковский. Всё готово.

Бруснев. Тогда прошу вас, госпожа Ге.

Ксения. (Нервно смяла папиросу. Огромным напряжением воли взяла себя в руки, выпрямилась, накинула на голову шарф). Я готова...

Занавес.

Картина девятая.

Та же комната. Беспорядок: перекинута мебель, сорваны шторы, разбросаны бумаги. Полковник Бруснев поспешно вытаскивает из стола бумаги, некоторые прячет по карманам, другие рвёт или просто бросает на пол.

Бруснев. Боже, как это неожиданно... Господи, спаси и помоги недостойному рабу твоему... Прапорщик, прапорщик!

Вбежал Сладковский.

Сладковский. Я вас слушаю.

Бруснев. Куда вы провалились? Эвакуация подготовлена? Лошади поданы?

Сладковский. Лошадей сейчас приведут. Но боюсь...

Бруснев (испуганно). Бойтесь? Чего?

Сладковский. Дорога на Баталпашинскую перерезана красными, в горы тоже... В городе беспокойно — партизаны.

Бруснев. Боже мой! Что же делать? Я вас спрашиваю, прапорщик, что делать?

Сладковский. Не могу знать.

Вошёл Качиони.

Качиони (бесстрастно). Красные ворвались в город. Заслоны на Подкумке смяты и уничтожены.

Бруснев. Красные в городе?

Качиони. Да, они заняли вокзал.

Бруснев. Что же теперь? Надо немедленно уходить. Прапорщик, где лошади?

Качиони. Уходить некуда. Да и не к чему.

Бруснев. Как не к чему? Что вы говорите, корнет?

Качиони. Не к чему. Игра проиграна, господин полковник.

Осталось только умереть не особенно позорно.

Бруснев. Мальчишка! Как вы смеете! Я не желаю... Я не хочу умирать.

Качиони. А всё ж придётся, господин полковник. Когда скорпиона окружают, он вонзает жало себе в затылок. А мы... скорпионы... (Вышел).

Бруснев. Что он говорит? Какие скорпионы? Он сошёл с ума. Прапорщик, давайте скорее лошадей, мы ещё успеем. (В соседней комнате выстрел). Кто стреляет?

(Сладковский выхватил револьвер и вышел. Бруснев застыл в напряжённой позе. Сладковский возвратился). Ну?..

Сладковский. Корнет Качиони покончил с собой...

Бруснев. (приглушенно). Мёртвый?

Сладковский. В висок навyleт.

Под окнами приближающиеся выстрелы, крики. Бруснев метнулся к окну. Стремительно вбежал Бобрик.

Бобрик. Смывайтесь: в «Гранд Отель» партизаны заскочили.

Бруснев. Стой! Стой — снимай шинель. (Бобрик, растерявшись, снимает шинель. Бруснев выхватывает её у него и, срывая находку погоны, с шинелью в руках выскакивает из комнаты).

Бобрик. Чего он: сказался?

Сладковский. (вынул револьвер, проверяет заряды).

Бобрик. Нет уж, это ты брось, ваше благородие! (схватил Сладковского за руку).

Сладковский. Что тебе надо? Пусти! (Борются).

В комнату ворвался Чижов.

Чижов (вскинул винтовку). Бросай оружие. Руки вверх! Бобрик. Братишка, я свой! Свой! Неужели не узнал. Я же в доску свой. А это вот адъютант самого коменданта. Я его задержал...

Чижов. Не шевелись! (Кричит в дверь). Сюда! Родион, давай сюда!

Вошёл Родион.

Родион. Что тут? Где комендант?

Чижов. Разбежались, гады. Вот только эти остались.

Родион (Бобрику). Постой, где я тебя видел?

Бобрик. Неужели, браток, не узнал? Бобрик я...

Родион. Бобрик? Тот, что у нас в Чека в подвале сидел?

Бобрик. Он самый. Вот так в подвале и гнил, вырваться от этих гадов не мог.

Сладковский. Мерзавец!

Бобрик. Ты что, белая сволочь, лаешься? Хотишь я тебя сейчас кокну?.. Это адъютант самого коменданта. В расход его...

Родион. Не спеши, Бобрик. Это мы сами разберёмся, кого в расход. (Чижову). Вели крепче запереть его благородие. Иди, господин адъютант, потом разберёмся. (Сладковский в сопровождении Чижова вышел).

Родион. Знакомое место. Кабинет товарища Ге.

Бобрик. А потом комендант себе кабинетик-то захапал. Здесь и тиранством занимался.

Родион. А где комендант?

Бобрик. Чёрт его знает. Смылся, видно...

Чижов вводит полковника Бруснёва, он в солдатской шинели, немощный, безобидный старичок, еле передвигающий ноги, в руках мнёт старенькую фуражку.

Чижов. Никого в здании нет. Вот только этого в подвале нашли. Старикашка видно, со страху запрятался.

Родион. Лицо что-то знакомое.

Бруснев. Вестовым я здесь при комендатуре служил.

Бобрик. Брешет, гад...

Родион. Сам вижу. Снимай шинель. Ну! (Бруснев при помощи Чижова снял шинель, под ней полковничий мундир).

Здравствуйте, господин полковник! Давно не видались! Так это ты здесь комендантом был?

Бруснев. Что вам от меня надо? Я старый солдат и выполнял свой долг. Приказали... Мне ничего не надо. Я от всего отказываюсь. Мне только покой нужен. Я стар и болен...

Родион. Так, так. Ведь эту песню, между прочим, мы уже слышали. Только мы теперь, господин полковник, не те. Сердитую школу прошли! На жалкие слова нас не возмёмшь...

Вбежала Аня.

Аня. Родион! Родя!

Родион. Аня! (Бросились друг к другу).

Аня. Мне сказали, что видали тебя с отрядом... Я сразу бросилась сюда...

Родион. Жива? Жива! Не верил, что увижу тебя. Как в горы уходил и проститься не довелось... А ты жива...

Аня. Жива, только натерпеться всего пришлось.

Родион. Как же ты уцелела?

Аня. Спасибо не выдал никто. Так и жила, как коридорная при гостинице.

Бобрик, воспользовавшись тем, что на него не обращают внимания, пробирается к двери, но у дверей сталкивается с входящим доктором Фешиным и отступает. Фешин в изодранной одежде, обросший и совсем поседевший, от слабости он едва держится на ногах.

Фешин. Стой! Это ты?.. Ты ещё живой? Почему ты живой?

Бобрик. (Пятится от Фешина). Уйди, старик, уйди! Сгинь, сатана.

Аня. Родион, это же Бобрик! Палач... Держите его!..

Бобрик внезапно бросился к окну, распахнул его и хочет выскочить. Родион выхватил револьвер и выстрелил. Бобрик свалился за окно.

Фешин. Это справедливо...

Родион. Кто это? Неужели доктор Фешин?

Фешин. Мы были вместе, но меня они не пожелали вешать — бросили в подвал, а её... Фиалочкин продал её за 50 000; (показал на Брусневу) этот послал на казнь; тот (указал на окно) повесил...

Родион. Кого?

Фешин. Ксению Михайловну Ге.

Родион. Ксению Михайловну... (Снял шапку).

Аня. Повесили её. На Солнечной горке. Людей туда согнали.

Она не вздрогнула даже; Бобрика оттолкнула и сама надела себе на шею петлю... (Закрыла глаза рукой).

Родион. Вот этого тебе, полковник, не простим. Как бы ты не прикидывался, никогда не простим!

Бруснев. Я здесь не при чём. Это начальник контрразведки...

Родион. (Чижову). Во двор и к стенке!

Бруснев. Вы не можете! Я не хочу, не хочу...

Чижов. Иди, гад! (Вытолкнул Брусневу).

Фешин. Теперь всё правильно... (Зашатался от слабости, Родион поддержал его). Меня они не стали вешать, а её...

Родион. Погубили... Погибла Ксения Михайловна, как солдат революции. Недолго прожила и всё отдала революции, партии. Умерла как большевик. Светлая жизнь! Там в горах мы слышали об этом... И не поверили. Не поверили тому, что она могла умереть. Всё равно она жива, с нами она. Уходя из жизни, большевик остаётся жить в том, что им свершено для революции, на благо своего народа...

Занавес.